

SECURITY-БОЕВИК

КИРИЛЛ МАКСИМОВ

ТЕРТЫЙ
 КАЛАЧ

Кирилл Максимов

Тертый калач

Серия «Security-боевик»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8474024
Максимов, Кирилл. Тёртый калач: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-75472-4

Аннотация

Бывший прапорщик, а ныне сотрудник частного охранного предприятия Богдан Князев несет службу в клинике «Экомед». Персонал приветливый, пациенты тихие, нарушений минимум – не работа, а сказка. Но очередная смена едва не заканчивается трагедией: недавно отреставрированное здание медцентра неожиданно покрывается трещинами, проседает и спустя несколько минут рушится. Богдан успевает вывести тяжелобольных, и жертв чудом удается избежать. Через несколько дней недалеко от клиники рушится еще одно здание – и тоже без видимых причин. Князев осматривает руины и приходит к выводу, что постройки «сложились» не сами собой – катастрофы были тщательно спланированы...

Содержание

1	5
2	23
3	37
4	56
5	65
6	77
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Кирилл Максимов

Тёртый калач

Максимов, Кирилл. Тёртый калач / Кирилл Максимов. – Москва : Эксмо, 2014. – 352 с. – (Режимный объект. Security-боевик).

ISBN 978-5-699-75472-4

© Максимов К., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

1

Жизнь кадрового военного четко разделена на две части – «до» и «после». Одна и другая проходят словно в разных измерениях. Служба, дежурства, командировки в горячие точки, засады, смерть подчиненных и товарищей... А затем, после выхода в отставку, наступает затишье, обрушивающееся на человека, как мертвая тишина после оглушительного взрыва. Ему кажется, что время останавливается, а существование теряет смысл. Не каждому дано пережить такое без последствий для психики. Внезапно оказывается, что некуда спешить, нечем командовать, не от кого получать приказы, утром можно спать, сколько хочешь, и даже не бриться. Но не каждому офицеру-отставнику дано понять на уровне ощущений и нервных реакций, что это не мир изменился. Мир остался таким, каким и был, а это ты стал иным, потерял свой статус, стал одним из гражданских, одним из тех, кого прежде подсознательно немного презирал за слабость, за неумение постоять за себя. Любой, кто не носил оружия, раньше казался тебе в чем-то неполноценным. И вот теперь ты один из этих неполноценных. Ты привык ощущать на плечах тяжесть погон, они сделались частью тебя, давали тебе право распоряжаться подчиненными. И вот они исчезли. Но состояние легкости не наступает. Кажется, что тебе обрезали крылья.

Можно накачать мышцы, закалить тело, «поставить» удар, можно даже заставить себя не бояться смерти своей и чужой. Жизнь начинает стоять меньше и меньше, чем чаще на твоих глазах ее теряют не только твои враги, но и товарищи, чем чаще ты убиваешь сам. Но очень трудно смириться с тем, что то, ради чего ты жил, радовался, ненавидел, страдал, преодолевал непреодолимое, убивал и рисковал собственной жизнью, осталось в прошлом. А впереди – зияющая пустота.

Природа не терпит пустоты – ни материальной, ни духовной. Она по определению должна быть чем-то заполнена. Заполнить же ее можно несколькими способами. Одни из отставников срываются, заливают ее спиртным, чтобы потом, захмелев, кричать на улице, хвататься за несуществующий «табель». Мол, я за вас, сволочей, мешками кровь проливал, за вас ребята гибли. А вы тут жировали, девчонок тискали, на красивых машинах ездили. Положу сейчас всех к чертовой матери. Поутру же, поднявшись с раскалывающейся от похмелья головой, стыдится своих вчерашних слов и поступков. Ведь воевал ты именно за то, чтобы длинноволосый парень, закосивший от армии, перед которым ты вчера потрясал воображаемым «макаровым», мог целовать на улице легкомысленную девушку с пирсингом. А у тебя с семьей из-за службы не сложилось. Он тебе еще говорил: «Да, все хорошо, батя. Ты герой...» Ты воевал, чтобы пролетарий после работы мог принять на грудь пузырь. Чтобы коммерсант

заработал денег и рассекал по улице на новенькой машине. Они не просили тебя ни о чем, ты сам выбрал свою судьбу. Вот теперь и расплачивайся за это. Можно, выйдя в отставку, заняться любимым делом. Но к этому надо готовиться. Не каждый готовился.

Есть еще один вариант – устроиться работать охранником. Вроде бы и по специальности, но не всякий способен переломить себя. Превратиться из боевого офицера в соблюдающего гражданский дресс-код вахтера, из разведчика – в того, кто следит за покупателями в гипермаркете, чтобы чего не сперли.

Бывший прапорщик ВДВ Богдан Князев прошел все эти стадии. Были в его службе и горячие точки, и погибшие друзья. И командир-предатель, из-за подлой подставы которого он раньше срока без всякой надежды на военную пенсию оказался на гражданке, расплачиваясь за чужие грехи. После были и литры выпитой водки, и сомнительные приятели с женщинами, исчезающие, как только кончались деньги, и временные подработки на разгрузке фур и вагонов. Пока, наконец, его не занесло в «тихую гавань» частной охранной фирмы «Викинг». Ее владелец, полковник ВДВ в отставке Карачун, решил дать Богдану Князеву шанс на новую жизнь. Взял его на работу с испытательным сроком...

В запомнившийся впоследствии до мелких деталей день Богдан сидел в комнатке отдыха на первом этаже частной московской клиники «Экомед», расположенной в старом

здании в исторической части столицы. Это был всего лишь третий день его дежурства здесь. И Князев реализовывал свой законный получасовой перерыв на обед, сидя в удобном кресле. Электрический чайник уже начинал шипеть. На журнальном столике стояла вымытая до блеска вместительная чашка с ложкой и пакетиком чая. Высилась ваза с печеньем и конфетами «от фирмы». В старательно подновленном старорежимном стеклянном медицинском шкафу белела посуда. На стенах висела парочка картин, написанных маслом. Не копий, а авторских работ, о чем свидетельствовали таблички, прикрепленные на золоченом багете.

Комнатка, хоть и была маленькой, предназначенной исключительно для персонала, но обставлена так, чтобы оказавшийся в ней сразу же почувствовал – учреждение солидное, как и положено недешевой частной клинике.

В ожидании, пока закипит чайник, Богдан листал первое, что попало ему в руки – глянцевый рекламный буклет клиники «Экомед», на обложке которого было изображено снятое с высокой точки здание, в котором он находился. Эти недавно отпечатанные буклеты ненавязчиво поджидали посетителей и пациентов повсюду. Разве что их нельзя было обнаружить в туалетных комнатах.

Буклет начинался обращением председателя совета акционеров «Экомед». Его портрет с тщательно отфотошопленной голливудской улыбкой, по мнению художественного редактора, должен был располагать к доверию. Рассказ о

непродолжительной десятилетней истории клиники сводил-ся к двум фразам. А затем следовала информация, что «Эко-мед» в начале этого года с окраины столицы перебрался в историческое здание в центре Москвы. Случилось это бла-годаря тому, что совладельцы клиники не побоялись трудно-стей и выиграли аукцион по продаже выставленного на торги здания военного госпиталя, возведенного в первой четвер-ти девятнадцатого века для ветеранов Отечественной вой-ны 1812 года. Здание, построенное в стиле русского класси-цизма, – памятник архитектуры. А потому к нему неприме-нимо слово «ремонт», только «реставрация». Совладельцы «Экомед» бережно отнеслись к бывшему госпиталю. Все сохранившиеся инженерные, строительные конструкции со-хранены в неприкосновенности, при необходимости укреп-лены, восстановлена оригинальная лепнина, расчищены рос-писи на плафоне в вестибюле, раскрыты замурованные в советское время две кафельные печи. Таким образом, был сохранен памятник архитектуры и не поменялся профиль его использования. Бывший госпиталь стал клиникой. За все это в совокупности ЗАО «Экомед» и архитектор про-екта были отмечены грамотой Министерства культуры. За-тем вскользь, но с осуждением, в буклете упоминалось, что другие проекты использования здания, представленные на торгах, предусматривали коренную перестройку архитектур-ного комплекса госпиталя, превращение его в развлекатель-ный комплекс, не соответствующий историческому и функ-

циональному предназначению. Внутренний двор предполагалось перекрыть стеклянным куполом...

Князев дочитал до этих слов. Чайник закипел и отключился. Теперь Богдан уже с интересом обвел взглядом комнату. Он сидел практически в музейном помещении, в оригинальных интерьерах почти двухвековой давности. Тут вполне могли бывать герои войны с наполеоновской Францией.

«А могли бы быть и несколько ресторанов с подземным паркингом, с гостиничными номерами, саунами, подпольным казино и проститутками, – резонно подумал Князев, потянувшись за чайником. – Это в том случае, если бы торги за архитектурный памятник выиграла другая фирма».

Но налить кипяток в чашку он так и не успел. Ложечка принялась мелко подрагивать. Сперва Богдан даже подумал о телекинезе, будто бы это его взгляд привел ложечку в движение. А она уже описывала круги, жалобно дребезжала. Ей отозвалась звоном и посуда в стеклянном медицинском шкафу. Князев вскинул голову – над ним раскачивалась выполненная под старину бронзовая люстра с подвесками. На потолке прямо на глазах у Богдана появилась извилистая трещина, посыпалась выкрошившаяся штукатурка.

– Землетрясение?! – вырвалось у охранника. – В Москве?

Если бы подобные явления происходили на двадцатом, тридцатом этаже, это было бы еще понятно. Даже слабые подземные толчки на высоте становятся ощутимыми. Но он

сидел на первом этаже. Да и все здание имело в центральной части всего три этажа, а в боковых крыльях – два.

Он выбежал в коридор. Каменные плиты пола мелко вибрировали, растрескивались. В глубине коридора с потолка сорвался пласт штукатурки и разлетелся обломками. Вздрогнула и сама собой покатила операция каталка, стоявшая в коридоре. Завизжала медсестра.

Что бы это ни было, следовало, как понимал Богдан, срочно эвакуировать людей из здания. Еще один пласт штукатурки рухнул с потолка, обнажив под собой частые ромбики старой драни. Длинным бруском обвалилась лепнина. Оборванный электрический кабель в металлической оплетке раскачивался, искрил. Несколько раз моргнул – и погас свет. В полумраке, в поднявшейся пыли, как в ночном тумане, беспорядочно метались пациенты и медики. Кого катастрофа застала на рабочем месте, кого в палате, кого на приеме у врача или в процедурном кабинете.

– Выход там! – закричал Князев, направляя людей к вестибюлю.

Тех, до кого в панике не доходили его слова, он хватал, разворачивал за плечи и подталкивал в нужном направлении. И тут над Богданом угрожающе захрустело, он инстинктивно рванулся в сторону. С грохотом в коридор сползли деревянные балки перекрытия, густо перевязанные дранью. Путь к отступлению в вестибюль, а следовательно, и к выходу, оказался отрезан.

– Черт, – выругался Богдан.

Ему хотелось сказать что-либо покрепче, более соотносившееся с ситуацией, но рядом с ним оказалась молоденькая медсестра в коротеньком полупрозрачном халатике, под которым угадывались полоски нижнего белья. Она испуганно часто моргала нарощенными длинными ресницами, абсолютно неуместно смотревшимися в сложившейся ситуации.

– Боже, а там еще люди, – проговорила она, указывая в конец коридора.

– Раз люди, нам туда! – Богдан потащил медсестру к палатам, расположенным на первом этаже северного крыла.

Он не воспринимал сейчас медсестру как хрупкую женщину, она была служащей клиники и обязана спасти пациентов. Двери нескольких палат были открыты. На ходу Богдан заглядывал в них – пусто. Люди успели уйти. На полу у тумбочек валялись рассыпанные букеты, осколки от ваз. На стенах криво висели картины.

– Спасите! – послышалось из-за одной двери, следом раздался несильный удар.

Князев с трудом выбил заклинившую дверь из перекошенной коробки. Навстречу ему рванулась пожилая женщина в халате. Ее взгляд тут же наткнулся на непроходимый завал в коридоре.

– Куда же... – сказала она и осеклась.

– Пожарный выход там. – Князев бросил взгляд на план, висевший на стене, и закашлялся от забившей горло пыли.

Здание вздрагивало, трещало. По дороге Богдан выбивал закрытые двери, всего набралось семь человек, не успевших выбраться с первого этажа северного крыла. Это были люди, находящиеся на восстановлении после операций, вполне способные действовать самостоятельно. В государственной больнице их уже непременно выписали бы домой. Князев, медсестра, трое мужчин и четыре женщины добрались, наконец, до пожарного выхода. Массивная дверь вела на крыльцо внутреннего двора.

Богдан налег на нее плечом, та не сдвинулась с места.

– Заперта?

Медсестра замотала головой.

– Еще полчаса тому назад я через нее выходила покурить.

– Заклинила.

В дверь били, но ничего не помогло. Перекошенная коробка надежно удерживала толстое полотно, восстановленное согласно исторической правде, – в девятнадцатом веке строили на века.

– Уж лучше бы там стояла современная пластмасса. – Богдану вновь захотелось выругаться.

Пришлось возвращаться к палатам. Другого выхода, если верить плану, отсюда не имелось. Путь к вестибюлю перекрывал завал из балок. Но и тут ждало разочарование. Во всех палатах первого этажа на окнах стояли искусно выкованные, казавшиеся легкими и ажурными, но на самом деле надежные стальные решетки. Богдан распахнул окно. Возле

дома людей уже не было, разбежались. Сверху падала откалывающаяся штукатурка, слышались крики:

– Спасите!

На другой стороне неширокой улицы собралась толпа зевак, молодежь увлеченно снимала происходящее на айфоны. Единственным, кто находился на одной стороне улицы с клиникой, был пожилой водитель «Скорой помощи», он уже готов был завести машину и отъехать в безопасное место.

– Эй! – крикнул ему Князев.

Мужчина обернулся. Было видно, что ему не хочется здесь задерживаться.

– Чего не убегаете? – спросил он.

– Хороший вопрос. Там завал, не пробраться. А тут решетка. Трос есть?

– Есть, – неохотно сказал водитель.

– Давай один конец мне, второй цепляй на фаркоп.

Водитель сдал задом к окну, заехав задними колесами на тротуар, покосился на расколотую, слегка накренившуюся стену и подал Богдану петлю металлического троса.

– На тебе еще и монтировку, – расщедрился он. – Без нее трос не закрепишь.

Князев протянул петлю сквозь решетку, просунул в нее монтировку. Водитель сел за руль и обернулся глядя в открытую дверцу.

– Пошел, – махнул рукой Богдан.

«Скорая помощь» осторожно двинулась вперед. Трос на-

тянулся. Задние колеса машины стали понемногу пробуксовывать на газоне. Трос звенел, вот-вот оборвется. Водитель попался умелый, он не рвал вперед, а шел, как принято говорить, «внатяг». Решетка заскрипела, подались заложенные в стену анкера. «Скорая помощь» съехала на асфальт, и за ней, подпрыгивая, высекая искры, потянулась кованая решетка. Водитель остановил машину, высунулся из кабины, подняв большой палец.

– Есть. Я, честно говоря, думал, стена завалится.

И это не было преувеличением. Стена время от времени вздрагивала.

– Выпрыгивайте, – теперь Князев был спокоен за пациентов.

Мужчины могли помочь выбраться женщинам. Высота небольшая, метра два с половиной. Да и водитель «Скорой» готов был помочь внизу.

– Наверху пациенты есть? – Богдан еще плохо ориентировался в планировке клиники.

Он проработал тут охранником только три дня, да и было в хитросплетении коридоров много нелогичного, доставшегося зданию из прошлого.

– Там, на втором этаже, палаты нетранспортабельных пациентов, – выдохнула медсестра.

В ее глазах Богдан прочитал животный ужас. Девушка не могла заставить себя подняться этажом выше. Здание разваливалось, о чем свидетельствовал постоянный хруст, сыпав-

шаяся с потолка и с раскалывающихся стен штукатурка. А спасение было совсем близко – раскрытое окно с выдранной решеткой. Что она, хрупкая, могла поделаться с нетранспортбельными пациентами? Погибнуть вместе с ними?

– Выпрыгивай, я один, – сказал Князев медсестре.

Та благодарно взглянула на него и забралась на широкий подоконник. Взвизгнув, прыгнула вниз, прямо в руки услужливого шофера.

– А ты? – спросил тот.

– Я потом. Уводи людей от здания. – Князев скрылся в завесе пыли.

Он пробрался к лестнице, ведущей на второй этаж. Сверху долетали крики о помощи. Благо грузовой лифт стоял с распахнутой дверцей. Иначе еще пришлось бы проверять, не застрял ли кто в нем. Богдан взбежал по лестнице и буквально наткнулся на девушку в инвалидной коляске. Она балансировала на верхней ступеньке, не решаясь сделать последний отчаянный рывок.

– Убьешься, дура, – крикнул ей Князев, хватаясь за спинку коляски.

У девушки на ноге белела повязка из гипса, из нее торчали металлические спицы.

– Сейчас дом рухнет! Еще одну ногу сломаю, но жива останусь.

– Посмотрим.

Внизу грохотнуло. Богдан глянул. С первого этажа напол-

зали клубы пыли, заволакивая обрушившиеся на марш балки.

– Вот и сломала бы ногу! Накрыло бы тебя, как на войне, – Князев покатил коляску по коридору. – Тут палаты нетранспортабельных?

– Тут после операций лежат, – подтвердила девушка, оборачиваясь к Богдану. – Мне страшно.

– Мне тоже. Сколько их человек?

– Откуда я знаю? У самой еле сил хватило в коляску перебраться! Ой, пол проваливается!

Пол качнулся, коляска вырвалась из рук, покатилась, набирая скорость. Но все же пол устоял, просто прогнулся. Девушка догадалась податься вперед, вытянуть руки, самортизировала ими при ударе о стену. Богдан подхватил готовую перевернуться коляску за спинку, выровнял ее.

– Бесплатный аттракцион! «Московские горки» называется, – крикнул он пациентке, чтобы хоть как-то поддержать ее.

– Мы погибнем.

– погоди умирать. Выберемся.

Он подкатил коляску к раскрытому окну палаты. Тут было высоко. Хоть и второй этаж, но потолки высокие.

– Держись и жди меня.

Девушка мертвой хваткой вцепилась в подоконник и с ужасом смотрела на улицу, не понимая, каким образом охранник собрался спустить ее на землю.

В память Князеву врезалось то, что в коридоре он видел новенький пожарный кран с застекленным окошечком. Своим ярко-красным цветом и дизайном он разительно отличался от общего старинного интерьера. Дверца, как и следовало ожидать, была закрыта на ключ. А сам ключ находился черт знает где. Богдан ударил в стекло локтем. Зазвенело, посыпались осколки. Он, порезав в кровь руку, ухватил наконечник брандспойта, вытащил из пожарного ящика брезентовый шланг и поволок его за собой, разматывая катушку. Возвращаясь к палате, где он оставил девушку, Князев на ходу распахивал двери, кричал другим пациентам, что скоро придет за ними.

Люди, не ожидавшие его появления, кое-что предпринимали для своего спасения сами. Кто-то уже спустился на пол и ковылял к двери, придерживаясь за стену, кто-то извиваясь, полз к спасительному коридору.

Князев буквально ввалился в палату. Девушка испуганно глянула на него, полагая, наверное, что Богдан сошел с ума. Охранник появился с пожарным рукавом в руках, словно собрался гасить пламя, которого, к счастью, и в помине не было, хватало и других бед.

– Я... – успел сказать Князев на недоуменный взгляд, но не договорил.

Пласт штукатурки, сорвавшийся с потолка, ударил его вскользь по голове, по волосам густо потекла кровь.

– Ерунда, – проговорил Богдан, поняв, что он в относи-

тельном порядке, и рукавом стер кровь, залившую глаза. – Царапина.

Он вспрыгнул на подоконник, пропустил пожарный рукав одним оборотом через трубу парового отопления, протянувшись над окном. Связал петлю-сиденье. Спрыгнул на пол, подхватил, показавшуюся ему почти невесомой девушку на руки, посадил на подоконник.

– Залезай в петлю, садись в нее.

– Не знаю как.

Пришлось помогать. Бережно Богдан продел петлю через сломанную ногу. Здоровую девушка продела сама.

– Теперь держись.

– Боюсь сорваться.

– Тогда вылезай, других хватает, – жестко распорядился Князев. – Там еще пять человек своей очереди ждут.

– Боюсь! Помоги мне.

– Пошла! Первый пошел. – Богдан буквально вытолкнул больную за окно, придерживая второй рукой рукав, который тут же натянулся.

Девушка завизжала и закачалась, елозя по стенке снаружи здания. Богдан легко удерживал пожарный рукав одной рукой, это позволяло делать трение, завернутого в два витка шланга о трубу парового отопления. Перебирая рукав, Князев стал его стравливать. Визг девушки привлек внимание людей внизу. Ее уже «встречали». Почувствовав, что натяжение ослабло, Богдан выглянул в окно. Девушку уже отводили

подальше от дома.

Он стал выбирать рукав. Своей очереди на спуск дожидался пациент в инвалидной коляске. Спустил и его. А через несколько минут спасатели, прибывшие на пожарных машинах, выдвинули к окнам две лестницы.

Надобность в помощи Богдана отпала. Он и так сделал намного больше, чем от него требовалось по долгу службы. Он не стал занимать место на выдвижных пожарных лестницах. Спустился сам по пожарному рукаву, как по канату в спортивном зале. Дом продолжал трещать. Пожарные спешили эвакуировать пациентов. Возле пожарных машин крутились телерепортеры, мешали работать. Спасатели от них отмахивались. А потому одна из групп бросилась к Богдану.

– Мы видели вас, когда вы спускали из окна больных. Расскажите, как все началось. – Девушка-репортер сунула в самое лицо Князеву микрофон.

– Мне сейчас не до этого. – Богдан отвернул голову.

– Почему вы не хотите общаться с прессой? – последовал вопрос.

– Нет настроения.

– Но потом вы дадите нам интервью?

– Когда?

– Чуть позже.

– Не знаю, – ответил Богдан.

Репортер оказалась не слишком навязчивой, не стала давить охранника, просто протянула ему визитку.

– Позвоните мне, – предложила она.

Князев сунул визитку в карман и почти сразу же забыл о ней. Вокруг него сновали люди. Слышались выкрики, команды. Богдан заметил медсестру. Девушка в полупрозрачном коротком халатике сидела на металлическом заборчике ограждения газона. Богдан подошел к ней.

– Тебя как зовут? – спросил он.

– Катя, – ответила девушка. – Кажется, это вы меня и других пациентов спасли? Я плохо помню от страха.

– Кажется, я. – Богдан опустился на заборчик.

– Не угостите меня? – попросила медсестра.

Они сидели рядом и смотрели по сторонам. Спасатели уже эвакуировали последних пациентов и выбирались из здания сами. Катя запрокинула голову и глянула вверх.

– Какое голубое небо, – проговорила она. – Почему мы так редко смотрим вверх?

Князев тоже глянул на небо. Оно и впрямь было пронзительно голубым, как бывает только в высоких широтах. Но любоваться небом долго не пришлось. Раздался треск, грохот. Центральная часть клиники вместе с портиком и колоннами осела, рассыпалась на глазах у людей. Поднявшееся облако пыли поползло на зевак. Народ хлынул назад, слышались крики.

Богдан еле успел перемахнуть на другую сторону заборчика и утащить за собой Катю.

– Назад! – заорал он через головы напиравшим в задних

рядах людям. – Здесь забор!

Но панику остановить тяжело. Люди продолжали наступать. Князев стал помогать передним перебираться через заборчик, буквально, выхватывал их. Люди уже падали, исчезали под ногами у толпы. Пыль густым туманом окутала место трагедии. С другой стороны уже вступили в действие спасатели, они оттаскивали людей.

Когда пыль развеялась и паника улеглась, людская волна отхлынула, на тротуаре остались лежать четыре неподвижных тела.

2

Вот уже второй день Князев находился на больничном. Рассеченную бровь и голову хирург ему зашил. Ходить по городу с забинтованной головой Богдану не хотелось. Поэтому приходилось надевать летом лыжную шапку. Из-за чего в сторону его тоже посматривали прохожие. Хоть ты из дома не выходи. А что делать в четырех стенах? Телевизор смотреть? Так это не лучший выход из положения.

Поэтому очень кстати подвернулось приглашение старого армейского товарища, с которым довелось служить в Дагестане. Звонок прозвучал неожиданно, сработал городской телефон, обычно молчавший целыми днями.

– Алло, – сказал Князев в трубку.

– Привет, – прозвучал на другом конце линии голос.

Богдан сразу же узнал лейтенанта Петра Выгодина, командира разведвзвода, теперь уже тоже бывшего.

– Здорово. Давно не слышал, – искренне обрадовался Богдан.

– Ты теперь знаменитость, поздравляю, – произнес Петр.

– С чего ты взял? – удивился Богдан.

– Ты в Интернете себя не видел? – удивился Выгодин.

– У меня и хорошего компьютера нет, – признался Богдан.

– Так, только фильмы с дисков смотреть можно.

Петр не удержался, присвистнул.

– Я думал, таких людей теперь уже нет. Последняя бабка в кедах и та в Сети рыщет. Ты на ходу?

– В каком смысле?

– Ходить можешь или в постели лежишь?

– Транспортабельный.

– Подъехать ко мне не хочешь? Тут близко.

– Ты ж вроде на другом конце города живешь.

– Жил, – не стал вдаваться в подробности Выгодин. – Теперь в другом месте. Это по твоему направлению электрички. Сорок минут езды. А я тебя на станции встречу.

Договорились, обменялись номерами мобильных. Станция электрички находилась недалеко от дома, где жил Князев, – только через поросший деревьями пустырь под линией ЛЭП пройти. По дороге Богдан сделал небольшой крюк, хотел зайти в универсам. Неудобно ехать к армейскому приятелю с пустыми руками. На самом крыльце Князева перехватил один из завсегдатаев рюмочной, называвшейся «Вечерний огонек».

– Слышь, мужик. – Малоопрятный тип в поношенной куртке в отличие от самого Богдана, заглядывавшего в заведение по вечерам, чтобы пропустить «сотку», ошивался тут и днем, если везло, то к вечеру становился абсолютно невменяемым.

– Слышу. – Князев думал, что речь пойдет о традиционном «подбрось немного, не хватает», но речь пошла о другом.

– Тут братва говорит, что ты герой. И я так думаю. – Малоопрятный тип выставил руку.

Пришлось пожимать его не совсем чистую пятерню. Игнорировать приставалу Богдан не стал. Все-таки они были шапочно знакомы, иногда малоопрятный принимал участие в разговорах возле «Вечернего огонька».

– С чего ты взял?

– Говорят. Может, потянешь? – Молодой, но успевший опуститься мужчина отвел полу куртки, из внутреннего кармана торчало горлышко початой бутылки водки.

– Я с утра не пью. Извини. Спешу. – Богдан двинулся к двери универсама.

– Какое ж это утро? – удивленно спросил тип. – Третий час.

– И днем не пью, – бросил через плечо Князев, заходя в магазин.

Долго не выбирал, чего бы взять. Большая бутылка водки, литровый пакет томатного сока, вяленое мясо, хлеб и пара помидоров. Вполне достаточно, чтобы культурно посидеть с приятелем, которого давно не видал, и вернуться к вечеру домой.

Полупустая старая электричка раскачивалась, унося Князева из города. Пассажиры косились на странного мужчину в лыжной шапке.

Состав прогрохотал через мостик и замер на дачной станции. Петр, одетый в выцветший камуфляж, замахал руками

над головой, заметив выходящего из вагона Богдана.

Пока Князев шел к нему, в памяти промелькнуло многое из прошлой армейской жизни. Вспомнилось и то, как лейтенант Выгодин пришел на помощь взводу Богдана, когда тот попал в ущелье в засаду. Да, были моменты, когда лейтенант спасал жизнь прапорщику, и наоборот.

Прятели обнялись, отстранились, разглядывая друг друга. Выгодин выглядел не лучшим образом. Было заметно, что он пьет, хотя и не напропалую. Щеки покрывала недельная щетина. Лицо загорелое – сразу понятно, много времени проводит на свежем воздухе.

– Ну как ты? – спросил Петр.

– Нормально. Охранником работаю, – ответил Богдан. – А ты?

– Потихоньку, – не стал сильно распространяться о своем сегодняшнем положении Выгодин. – Пошли.

Основная часть пассажиров уже покинула платформу. Фигурки людей маячили впереди на неширокой заасфальтированной дороге, идущей через лес. Повсюду виднелись указатели. Дачный кооператив такой-то, садовое товарищество, детский оздоровительный лагерь, санаторий...

– Сюда сворачиваем, – Петр показал на тропинку, уходящую в лес.

Вскоре они уже шли по дачному кооперативу. Народа было немного – будний день.

– Вот и пришли, – Выгодин толкнул полусгнившую калитку.

ку.

На участке в четыре сотки стоял щитовой домик. Трава была выкошена только в одном месте – возле крыльца. На газоне белели пластиковый стол и пара пластиковых кресел.

– Думаю, на улице посидеть лучше, чем в доме, – сказал Выгодин, глядя на то, как гость выставляет на стол принесенное с собой. – Сейчас накрою.

Петр скрылся в домике, зазвенел посудой. Богдан прошелся по участку. Грядки заросли, в этом году, скорее всего, на них ничего не сажали. Деревья запущены. Из крон тут и там торчали сухие ветки. За домиком оказалась жестяная бочка, наполненная пустыми бутылками. Князеву стало неловко, словно, он специально высматривает проблемы в быту своего приятеля.

Выгодин вернулся с тарелками, рюмками, стаканами.

– Подержи, – попросил он Богдана, передавая ему посуду.

Сам снял со стола бутылку, сок, мясо и постелил клеенчатую скатерть. Лишь после этого начал сервировку.

– Без скатерти пить – это пьянка, а не культурное мероприятие, – пояснил бывший лейтенант ВДВ. – Что это ты шапку лыжную надел? Не сезон вроде.

– Голова забинтована, – Князев стянул шапку, продемонстрировал бинты.

– Погоди надевать. Ты в шапке на клоуна смахиваешь. Без обид. Сейчас что-нибудь придумаем.

Петр снова скрылся в доме, вышел и протянул Богдану

квадратный кусок камуфляжной материи.

– Повяжи как бандану, – посоветовал он.

Князев завязал камуфляжную бандану, посмотрел на свое отражение в расколотом зеркале, прикрепленном к стене дома.

– Ну вот. Теперь стильно смотришься, – определил Петр. – Самое худшее, что о тебе подумают, будто ты лысеть начал и лысины своей стесняешься.

– Морда у меня еще та, – признался Богдан. – Синяк под глазом, царапины.

– Шрам на роже для мужчин всего дороже. Кто разливать будет?

– Каждый себе, – Богдан придвинул к себе стакан и стал готовить свой излюбленный напиток «Кровавая Мери». Наливал водку и томатный сок слоями, пользуясь для стока ножом. Слои получались ровные, не смешивались.

– Ну за встречу, – предложил незамысловатый тост Князев, когда Петр налил себе водку в рюмку.

Чокнулись, выпили.

– Ну как ты по жизни? – спросил Богдан.

– Как видишь, живу на родительской даче. Квартиру жене оставил.

– Развелся, значит?

– Она развелась, – махнул рукой Выгодин. – Другого себе нашла.

– Обычная история. Где работаешь?

– Тут и работаю, – Выгодин повел рукой вокруг себя.

– Не видно плодов усилий, – Князев прошелся взглядом по заросшему газону.

– Я по всему дачному массиву работаю, – вздохнул Петр. – Стариков много. Кому надо куст выкопать, яблоню выкорчевать, забор подремонтировать... Работы хватает. Некоторые бутылкой, продуктами расплачиваются, я не спорю, но в основном живыми деньгами. С этого и живу.

– Это пока лето на дворе. А зимой, когда дачи опустеют, чем займешься?

– Найду, чем. Ты не смотри, что я небритый. Не опускаюсь.

– Побриться и за пять минут можно. Не проблема, – согласился Князев.

Петр налил еще. Предложил выпить за Князева персонально.

– Чего я такого сделал? – спросил Богдан.

– Ты людей спас.

– А ты бы на моем месте что делал? Тоже спасал бы.

Прежде чем выпить, Выгодин сбегал в дом и вернулся с планшетником, принялся двигать пальцем по экрану.

– У нас здесь во всем дачном массиве халявный Wi-Fi работает, – объяснял он. – Вот, смотри.

Планшетник Петр прислонил к бутылке так, чтобы Богдан мог лучше видеть. Шел ролик, переписанный с какого-то новостного телеканала. Рассыпающееся здание клиники. Спа-

сенные пациенты. Затем Князев узнал самого себя в окне, спускавшего на пожарном рукаве девушку с поломанной ногой. Голос диктора за кадром пояснял, что человек, спасший жизни, – это сотрудник частной охранной фирмы Богдан Князев. Затем показали медсестру Катю, которая вновь подтвердила его участие в спасении людей. Назвала «настоящим героем» и заверила, что жертв при столпотворении после обрушения центральной части клиники могло быть куда больше, если бы Богдан решительно не вмешался в события. Завершал сюжет короткий видеоплан, где журналистка пыталась взять у Богдана интервью, а он махал на нее рукой и говорил, что ему некогда.

– Все не так было, – произнес Князев.

– Съёмки документальные, – возразил Петр.

– Ты же сам видел, когда нас на Кавказе тележурналисты снимали. Потом на экране все по-другому смотрелось. Я сказал, что мне некогда, когда уже из клиники выбрался, а о давке еще и речь не шла. А посмотришь, и получается, будто я специально туда спешу людей вытаскивать.

– Все это мелочи по сравнению с тем, что ты сделал. Давай, за тебя и выпьем.

– Лучше за память тех, кто в давке погиб. – Князев приподнял стакан с «Кровавой Мери».

Выпили, не чокаясь. И тут у Князева зазвонил мобильник. Он глянул на дисплей.

– Хозяин звонит, – обеспокоившись, сказал он и тут же

ответил: – Да, слушаю.

На том конце линии раздался бодрый голос Валерия Павловича Карачуна – полковника ВДВ в отставке, владельца частной охранной фирмы «Викинг», в которой работал Князев.

– Ну как, прапорщик, раны заживают?

– Как на собаке, товарищ полковник.

– Ты до конца дня в офис ко мне заехать можешь?

– Если по делу надо, то заеду, – пообещал Богдан.

– Это не совсем по делу. Ты что, не в городе, на природе?

Слышу, птички где-то рядом поют.

– У армейского приятеля на даче. Но тут близко от города.

Могу подъехать. Все равно завтра к врачу.

– Не парься. Лучше скажи, могу я сам к тебе сейчас подъехать?

Богдан глянул на Петра, прикрыл микрофон ладонью.

– Полковник спрашивает, может ли он сейчас сюда подъехать?

– Конечно, пусть подъезжает, – согласился Выгодин.

– Хозяин дачи дает добро, – и Богдан стал объяснять, как можно добраться.

Выгодин, как бывший разведчик, тут же остановил объяснения Князева и просто назвал координаты для навигатора.

– Жди, – произнес Карачун, и связь оборвалась.

Выгодин вопросительно смотрел на Богдана.

– Тот самый полковник Карачун, с которым мы?..

– Он. Я у него теперь работаю. Зачем едет, честно говоря, не знаю.

Петр потер небритую щеку, захрустела, защелкала щетина.

– Непорядок. – Выгодин поднялся из-за стола. – Пойду побреюсь.

В бывшем лейтенанте проснулось армейское нутро. Вскоре он, раздевшись до пояса, уже стоял на улице возле умывальника. Богдан поливал его холодной водой. Шампуня не нашлось, поэтому Петр тер голову мылом, пена разлеталась хлопьями.

Князев вышел встречать Карачуна к воротам дачного массива. Выгодин тем временем выставил еще один стул на улицу, поставил тарелку. Даже ножи столовые отыскал, положил салфетки, придавив их солонкой, чтобы не разлетелись.

Машина подъехала к забору, вплотную прижалась к нему, чтобы не перегораживать узкий дачный проезд. Водителя Карачун отправил «в лес прогуляться». Цепкая память бывшего полковника тут же подсказала ему, что с Выгодиным они встречались и раньше по армейской службе.

Валерий Павлович присел к столу, пригубил водку и на какое-то время пошли воспоминания:

– А помнишь...

Князев был в некотором напряжении, понимая, что Карачун не водку пить приехал, а есть у него предложение, касающееся его, Богдана, лично.

– Все это хорошо... – Карачун похлопал ладонью по столу. – Но я приехал с конкретным делом. Ты, Князев, отличился. Была б моя воля, я б тебя орденом наградил. Хотя и это можно сделать. Включу свои связи, орден будет. Ты даже представить себе не можешь, какие бабки ты мне сэкономил.

– Каким образом? – удивился Богдан.

– Рекламный бюджет сэкономил. Тебя по всем каналам прокрутили, как героя, а на униформе название нашей фирмы. В Интернете просмотры шестизначными цифрами измеряются. Клиент к нам и потянулся. Так что солидную премию ты заслужил и отпуск, несмотря на то что недавно устроился. Хочешь, я тебе поездку в Испанию организую за счет фирмы? Отель на берегу моря. Ну и на карманные расходы неплохо подкину, чтобы не думал, в какой ресторан зайти. А, Князев? Выбирай, чего тебе надо?

– Орден, премия или поездка? – задумчиво произнес Богдан. – А можно, что-нибудь другое попросить?

Карачун напрягся, заподозрив, что Князев попросит что-то более солидное, а то и неподъемное, и потому на всякий случай дал себе путь к отступлению.

– Посмотрим, что можно сделать. Я не волшебник.

– Товарищ полковник, – четко сказал Богдан. – Я прошу взять на работу одного моего армейского приятеля. Мужик толковый. Разведвзводом командовал. Не пожалеете.

– Это кого же? Я его знаю?

– Вот он сидит, – кивнул на чисто выбритого Петра Бог-

дан.

Выгодин даже приподнялся, не ожидал такого.

– Не слушайте его. Я не просил, – растерянно произнес он.

Карачун остановил Петра поднятой ладонью.

– Тебе, лейтенант, работа нужна? Только теперь уже без жеманства, без этих экивоков и оговорок. Нужна, спрашиваю?

– Нужна, – за Выгодина ответил Князев.

Карачун почесал затылок.

– Задал ты мне задачку. Но за такой поворот я тебя еще больше уважать начал, – Валерий Павлович перевел взгляд на Выгодина. – Я людей тщательно подбираю. В моем бизнесе репутация – самое главное. Один косяк – и тень на всю фирму. – Взгляд вновь перешел на Князева. – Ты за него ручаешься?

– Иначе не предлагал бы, товарищ полковник.

– А он сам за себя ручается? – почему-то сказал о Выгодине в третьем лице Карачун.

– Ручаюсь. Не смогу же я Богдана подвести.

– Сейчас подумаю.

Валерий Павлович морщил лоб, беззвучно шевелил губами, сидел полуприкрыв веки.

– Значит, так, – наконец произнес он. – Рисковать я не могу, за мной люди, бизнес. Беру с испытательным сроком. Первое время будешь с Князевым в паре работать, пока войдешь в курс. Он тебе накосячить не даст. А там видно будет,

zareкомендуешь – возьму в штат на постоянной основе. Так что с отпуском, прапорщик, придется повременить.

– Какой отпуск? Зачем? – пожал плечами Князев. – Я попросил. Вы мою просьбу выполнили. Между нами полный расчет по всем статьям.

– Это мне решать, полный или не полный. Поедешь отдыхать после того, как человека в курс введешь. И не спорь... Вот только на какой пост мне вас поставить?

– Мне в таком виде на людях пока лучше не показываться, – Князев провел ладонью по лицу, ощупывая царапины.

– Да, тебя детям и беременным показывать не стоит, – согласился Карачун.

Воцарилось неловкое молчание. Карачун вновь думал. Богдан ощущал неловкость, что доставил так много хлопот своим предложением. Выгодин смотрел в сторону.

– Есть такое место, – лицо Валерия Павловича просветлело. – Недавно к нам одна организация обратилась. Им нужна охрана для сопровождения в Москву грузов из Владимирской области.

– Что за организация? – спросил Князев.

– Проектный институт. Названия с ходу не вспомню. Занимается геологоразведкой для строительства.

– Груз какой? – поинтересовался Петр.

– Военная часть инженерных войск сбывает по конверсии какое-то старое оборудование. Может, там, в аппаратуре, металлы цветные есть – платина, золото. Может, еще что. Но

стоит оно немалых денег. Вот и решили заказать охрану от дорожных грабителей. Беретесь?

– Почему б и не взяться? – развел руками Князев и посмотрел на приятеля.

Тот, соглашаясь, кивнул.

– Ну вот и отлично, – заулыбался Карачун, было видно, что ему приятно было сделать хорошее дело. – Выпьем за нашу договоренность, и поеду. Может, тебя в город подбросить? – глянул он на Богдана.

– Я еще посижу, Валерий Павлович. Электричка тут недалеко, а станция почти под самым моим домом. Кстати, что-то прояснилось насчет причин обрушения здания клиники?

– Вроде бы где-то неподалеку старый коллектор прорвало. Вовремя не заметили. Все же под землей. Вода вымыла пустоты. Вот земля и просела.

– Из-за какого-то ржавого коллектора... – покачал головой Князев.

– Что поделаешь. Техногенных катастроф хватает. Как говорится, никто в этом не виноват. Стечение обстоятельств, – вздохнул Выгодин.

3

Развалины здания клиники смотрелись все равно величественно, как античные руины. Несмотря на то что их уже укрыли зеленой строительной сеткой, многие прохожие останавливались, снимали их на мобильники, некоторые фотографировались на их фоне, чтобы потом выложить фотку с места событий в Сеть.

За оградой стояла группка чиновников в деловых костюмах, среди них одна немолодая крашенная блондинка с претензией на богемность – представительница Министерства культуры. Все-таки обрушившееся здание являлось памятником архитектуры девятнадцатого столетия. Моложавый мужчина в строительной каске и комбинезоне с надписью на спине ЗАО «Геотехнологии» высказывал свои догадки о причинах обрушения. Все его внимательно слушали.

– ...Единственное, что я могу вам сказать точно по будущему официальному заключению, там обязательно будет фраза «в результате просадки грунта». Все остальное – пока догадки.

– Но ведь в СМИ прошли сообщения о прорыве коллектора, – вставил мужчина с залысиной.

– У журналистов и спрашивайте, где они взяли такую информацию, – ответил мужчина в строительной каске.

Все нервно покосились на съемочную группу телевизион-

щиков, стоявшую по другую сторону ограды. У камеры готовилась к записи та самая журналистка, которая в день катастрофы безуспешно пыталась взять у Князева интервью.

– Какие вы можете дать прогнозы для восстановления здания в прежнем облике? – спросила дама из Минкульта.

– Тут прогноз однозначный. Наша фирма, созданная на базе солидного НИИ советских времен, проводила и проводит оценку несущей способности грунтов для многих объектов столицы. Грунт, разрыхлившийся в результате просадки, не может обеспечить устойчивость старого фундамента. Там, выражаясь современным языком, даже не фундамент, а простая наброска камней, слегка скрепленная известковым раствором. Памятник, на мой взгляд, восстановлению не подлежит. Его следует разобрать. Вынуть грунт до устойчивого. Возможен вариант и устройства свайного фундамента или другие варианты с применением современных материалов.

– Потом на этом месте можно возвести тот же архитектурный проект из современных материалов и с новой планировкой. Объемы выбранного грунта займет подземный паркинг. При этом исторический городской облик внешне не изменится, – радостно сообщил чиновник из мэрии, занимающийся землеустройством.

– Вам бы все новоделы вместо настоящих архитектурных памятников ставить. Я понимаю – легче заново построить, чем старину реставрировать, – зло сказала дама из Минкульта. – Вам волю дай, вы и Кремль уничтожите. Ход вашей

мысли я поняла с вашего первого слова. Поскольку до этого земельный участок был намертво связан с условием реставрации здания бывшего госпиталя для ветеранов Отечественной войны 1812 года, то теперь вы сможете вновь провести тендер на его застройку. Ведь восстановленный из современных материалов госпиталь с измененной планировкой уже не будет являться памятником архитектуры.

– Мэрия будет действовать в строгом согласии с действующим законодательством, – заученно произнес чиновник.

Мужчина с залысиной выступил вперед.

– Вы, как представитель исследовательского центра, которому поручено определить причины просадки грунта, – обратился он к инженеру-геологу в каске, – можете однозначно сказать, каков характер катастрофы – техногенный или природный?

– Вы, собственно, кто такой? – последовал предсказуемый вопрос.

– Не я, а мы, – начинающий лысеть указал на своего соседа с элегантным кейсом в руке. – Мы представители страховой фирмы, в которой застрахована клиника.

– Понятно. Даю пояснения. В городе невозможно однозначно отделить техногенное воздействие от природного. Скажем, – снятой с головы каской инженер указал на видневшийся неподалеку новострой, – при закладке фундамента и возведении подземной парковки, что делается сейчас повсеместно, был перекрыт подземный водный поток. Под

центром города в толщах грунта протекает полтора десятка подземных рек. Вода фильтруется через рыхлые породы. Вот поток и изменил направление, подмыл старый фундамент здания клиники. Это природный характер или техногенный?

– Вы специалист, вам и решать, – ответил представитель страховщика.

Чиновники из мэрии посмотрели на него сочувственно. Страховой фирме предстояло выложить владельцу клиники астрономическую сумму. В дискуссию вновь вмешалась дама из Минкульта, она набросилась на инженера-геолога так, словно тот был лично виноват в катастрофе. Мол, давно пора провести геологоразведку в пределах столицы, сделать подробные карты подземных фильтрационных потоков. На что технарь справедливо замечал, что если ЗАО «Геотехнологии» будет дан подобный заказ с соответствующим финансированием, то за пару лет можно составить такую карту...

Страховщики потеряли к дискуссии интерес. Им требовалось в кратчайшие сроки выяснить настоящие причины катастрофы или хотя бы обосновать ложные.

– Наша фирма просто ляжет, если мы выплатим страховку в полном объеме, – тихо заговорил обладатель залысины.

Его коллега с кейсом повертел головой, словно лучше притирал шею к туловищу.

– Ляжет. У нас нет таких денег, – согласился он.

– Если этому из ЗАО «Геотехнологии» дать взятку за нужное заключение?

– Стремно, не возьмет. Думаю, его руководству владельцы клиники уже солидно сунули, но, скорее всего, будущий застройщик подкупил. Чего он так распинаяется, что восстанавливать госпиталь в прежнем виде нельзя?

– Какие будут предложения?

– Есть одно, – мужчина с кейсом воровато оглянулся на чиновников и инженера.

– Валяй. Нас никто не слушает.

– Одно дело, если природа виновата. Это страховой случай. А вот если дело в подземных коммуникациях, то всегда найдется тот, кто за них отвечает. Можно будет ему встречный иск выставить.

– Если коммуникации брошенные, бесхозные? Скажем, развалился какой-нибудь секретный бункер времен войны?

– Тогда иск можно вкатить или мэрии, или же организации-правопреемнику. Если кто-то строил, то кто-то и должен нести ответственность.

Мужчины переглянулись. Владелец кейса внятно произнес:

– У меня есть выход на клуб диггеров, они подземную Москву как свои пять пальцев знают.

– Официально заказать им обследование под обрушившейся клиникой? – лысеющий пригладил ладонью несуществующие волосы.

– Не прокатит. Мы сторона заинтересованная. К тому же публика не любит тех, кто получает за подобные расследо-

вания деньги. Диггерам мы заплатим, но нелегально, налом. Все будет представлено как исключительно народная инициатива. Забрались ребята в подземелья, чтобы выяснить правду, а потом все данные в Интернет слили.

– Интернета мало. Надо еще и телевидение подключить, канал, которому народ доверяет, – лысеющий покосился на съемочную группу. – Не люблю журналюг. Но без них никуда. Подкачусь, предложу поучаствовать.

– И не думай светиться, – тут же пресек попытку выхода на журналистку обладатель кейса.

– А как тогда?

– Сейчас все устроим.

Представитель страховой фирмы поставил кейс на землю. Принялся тыкать пальцем в дисплей мобильного.

– Макс, – произнес он, выйдя на связь. – Ты не занят? Говорить можешь?.. Вот и отлично... Дело к тебе и твоим ребятам по специальности есть... Заплачу хорошо... Короче, слушай...

Когда разговор был окончен, обладатель кейса широко улыбнулся.

– Все пути сходятся. Диггеры как раз сами о чем-то подобном думали. Ну а при соответствующем финансировании они на нас уже сегодня поработают.

– Как быть с журналистами? – нервничая спросил лысеющий.

– Все тип-топ будет, – загадочно пообещал обладатель

кейса.

Не прошло и двадцати минут, как неподалеку от разрушенной клиники остановился тюнингованный «УАЗ» с «кенгурятником», с дугой над крышей, усыпанной фарами, с лебедкой вместо переднего бампера. Места для стоянки хватало, автовладельцы опасались ставить тут машины – чего доброго и автомобиль под землю провалится. Из-за руля выбрался импозантный молодой человек. Штаны-галифе заправлены в высокие берцы, на плечах выцветшая широкая штормовка с капюшоном, за плечами рюкзак с приколотыми к нему значками. Длинные волосы собраны на затылке и туго стянуты в лошадиный хвост.

– Макс приехал. От него некоторые категории баб с ума сходят, – доверительно шепнул обладатель шикарного кейса.

Макс издали скользнул по нему взглядом и сделал вид, будто они незнакомы.

– Сейчас подкатываться начнет...

Макс уверенно подошел к тележурналистке.

– Здравствуйте, Светлана.

– Здравствуйте, – несколько напряженно сказала девушка, глядя в парня, он показался ей знакомым. Но где ж ты вспомнишь всех, с кем тебя сводит профессия?

– Я диггер, у меня есть своя группа. Друзья зовут меня Макс.

– Вспомнила, как-то мы вас снимали, но потом сюжет так и не вошел в утренний выпуск. Режиссер выбросил.

– У меня к вам есть предложение...

Макс коротко изложил его суть. Тележурналистке Светлане Холиной вместе с оператором было предложено сегодня сопровождать группу диггеров в их подземной экспедиции.

– ...экипировку мы вам предоставим, – пообещал Макс.

Светлана сразу же загорелась. Подобный сюжет обещал быть прорывным. Его сразу же покажут и другие телеканалы.

– Я согласна. Но есть формальность. Сейчас свяжусь со своим руководством. Я же не фрилансер, а девушка подневольная.

– Надеюсь, только в смысле профессии, – улыбнулся Макс.

– Разумеется.

Звонок был сделан. Продюсер канала тут же просек фишку и дал добро.

– Поехали, – Макс указал на свою машину. – Ребята уже подтягиваются.

– Сергей, у тебя аккумуляторы заряжены? – спросила Светлана у оператора.

Немолодой оператор похлопал себя по широкому поясу, из кармашков которого выглядывали два запасных аккумулятора.

– А что у нас со светом? – спохватилась журналистка.

– Фонари мощные. Думаю, вашего света почти и не понадобится, – пообещал Макс.

– У меня «бебик» на камере, – вкрутил профессиональ-

ное слово оператор. – Не художественное кино снимаем, а репортаж.

«УАЗ» лихо развернулся и исчез за углом.

– Сработало, – выдохнул обладатель кейса. – Главное, она про нас не догадывается.

Помещение клуба диггеров размещалось, как и положено, в подвальном помещении. Светлана осматривалась. В стене имелась большая стальная дверь.

– Тут раньше было бомбоубежище? – спросила она.

– За дверью теперь располагается небольшое издательство. Она заварена, – ответил Макс.

Оператор Сергей снимал обстановку. На широком столе лежала склеенная из нескольких листов карта центра столицы.

– Ее только издалека можно снимать, – предупредил Макс, когда объектив камеры был развернут к карте.

– А что, еще есть секретные карты? – удивился Сергей.

– Эта одна из самых секретных, – серьезно произнес Макс. – За нее террористы много бы заплатили.

– Мы с этой картой будем ходить по подземельям? – спросила журналистка.

– Она у меня в планшетнике зашита.

На лестнице, уходящей в темноту, послышались шаги.

– Это ребята подтягиваются? – спросила Светлана.

– Они.

Сергей сразу же вскинул камеру, чтобы снять момент вы-

хода других диггеров. Ребятами оказались ботаник в очках и самоуверенная девица и тугих джинсах.

– Волк и Черная Пантера, – представил друзей Макс.

– У вас в клубе все под кличками? – поинтересовалась Светлана и сама представилась.

– Кроме меня, – произнес Макс. – Давайте одеваться, время не ждет.

В жестяных шкафчиках оказались прорезиненные костюмы, бахилы, перчатки, каски с шахтерскими фонарями.

– Затягивайте все застёжки, никогда наперед не знаешь, через какое дерьмо придется пробираться.

– Дерьмо в прямом смысле? – спросила Светлана, застыв в растерянности: Черная Пантера переодевалась без стеснения на глазах у всех.

– Случается, что и в прямом смысле. Под землей чего только нет. Сами увидите.

Светлана отошла за шкафчик и под его прикрытием стала переодеваться. Вскоре вся группа была готова к выезду.

Уже начинало темнеть, во дворе старого дома никто не обращал внимания на экзотически одетых диггеров. Жильцы давно привыкли к тому, что у них в подвале обосновался клуб.

– Ваш клуб кем-нибудь финансируется? – поинтересовалась Светлана.

– Иногда спонсоры что-нибудь подбрасывают, но держимся в основном на энтузиазме.

Все забрались в «УАЗ», выехали на улицу. Ехали недолго. Машина притормозила в четырех кварталах от разрушенного здания и въехала в арку. Мест для парковки не оставалось. «УАЗ» легко въехал на вытоптаный газон и замер возле мусорных контейнеров.

– Приехали, – сообщил Макс. – Выгружаемся.

Светлана в комбинезоне грязно-оранжевого цвета и в каске с фонарем на лбу встала перед машиной. Сергей снимал ее, включив «бебик» – небольшой осветительный прибор на камере.

– С московскими диггерами мы прибыли на место, откуда нам предстоит спуститься под землю и, возможно, открыть тайну обрушения памятника архитектуры... Знакомьтесь...

– Светлана называла диггеров, Сергей снимал их.

Макс вытащил из машины стальной крюк, подцепил им массивный люк и сдвинул его в сторону.

– Спускайтесь, – предложил он.

– А вы? – растерялась Светлана.

– Я последним пойду.

Волк соскользнул вниз. Его самого уже не было видно, только свет фонаря.

– Давайте ко мне, – донесся снизу голос.

Черная Пантера помогала Светлане спускаться, снизу ее ловил Волк. Следом за журналисткой спустили оператора. Оставшийся наверху Макс сел в машину и поставил ее так, чтобы днище прикрывало люк, затем каким-то чудом пролез

под «УАЗом» и спустился в колодец головой вниз на руки товарищам.

– А это для того, чтобы никто не упал в колодец, пока мы здесь лазаем, – сообщил он. – Техника безопасности прежде всего. Но с нами точно не пропадете, – пообещал он телевизионщикам.

Светлана вертела головой, пытаясь осмотреться, понять, где же они оказались. Помещение было довольно просторным. Стены бетонные со следами дощатой опалубки.

– Где мы? – Она повернулась к Максусу.

– Вы меня слепите.

– Извините. – Журналистка слегка повернула голову, и свет перестал бить в лицо Макса.

– Это так называемые Ильинские катакомбы, – произнес Макс, словно это могло что-нибудь прояснить.

– Почему Ильинские?

– Потому, что их Илья открыл. Так зовут парня, который их первым на карту нанес. Он из другого клуба. Раньше люк был завален землей, никто о нем не знал. А он со старожилками поговорил и откопал.

– В каких годах построены катакомбы? – поинтересовалась журналистка.

– Похоже, что в сороковых прошлого века. Возможно, во время войны строили. Во время войны из этих домов люди были выселены. Ладно, пошли. Это по улицам быстро дойти можно, а нам еще потопать придется.

– Вы раньше тут бывали? – Журналистка смолкала лишь для того, чтобы выслушать ответ.

– Два года тому назад.

– И шесть месяцев, – уточнила Черная Пантера. – Мы, кстати, вдвоем с тобой ходили.

– По моей наводке, – Макс не хотел терять пальму первенства в этом вопросе.

Тоннель сужался. По бокам через равные промежутки времени возникали массивные стальные двери, покрытые ржавчиной.

– Что за ними находится? – спросила Светлана, и ее голос эхом отозвался в катакомбах.

– Хрен его знает, – честно ответил Макс.

– Мы можем заглянуть за них?

– Не получится. Заварены.

– Но есть же специальные приспособления, которыми можно срезать.

– «Болгарка»?

– Да.

Диггер глянул на журналистку так, как выпускник смотрит на первоклашку.

– Срезать можно. Только о последствиях надо думать.

– В каком смысле?

– А то, что такие вот двери могут быть заминированы.

– Что вы говорите?

– А вы как думали? В Москве же в начале войны к эвакуа-

ации готовились.

Чем больше углублялись в катакомбы диггеры с телевизионщиками, тем мрачнее они становились. Серый бетон сменился кирпичной кладкой. С потолка капала вода, хлюпало под ногами.

– Под старой больницей проходим, – шепотом сообщил Макс.

– А вы почему шепчете? – спросила Светлана.

– Тут громко говорить нельзя. Призраки водятся.

– Вы серьезно?

– Разве я с вами шутил?

– Давайте остановимся, – попросила журналистка. – А ты, Сергей, запишешь наш разговор.

Диггеры остановились. Высветили Светлану и Макса фонарями.

– Вы сказали, что видели здесь привидения.

– Тише, – проговорил Макс.

Сергей кивнул, мол, звук пишется, можно продолжить.

– Мы с Черной Пантерой и Волком... – начал Макс.

– Это у диггеров клички такие, – пояснила Светлана.

– ...отличные ребята. Пантера шла впереди. И тут мы увидели женщину в белом. Она сидела под стеной, обхватив руками колени. Как живая. Я даже испугался. А когда к ней приблизились, она как сидела, так и взлетела к самому потолку и в него вошла. Исчезла.

– Может, пока мы тут говорим, она незримо присутствует

рядом? – предположила Светлана.

– Может, и присутствует, – согласился Макс.

– Ее наша техника снимет, – воодушевилась журналистка.

И вновь Макс глянул на нее, как на несмышленную перво-классницу.

– Призрака снять нельзя, если только он сам этого не захочет.

– Как это?

– А вот так. Доказано опытом. Пошли, – Макс мигнул планшетником, проверяя маршрут.

Светлана наступила на что-то живое, послышались писк, хруст, а за ними и отчаянный вопль журналистки.

– Крыса!

– Их тут целые полчища. Только трогать и пугать их не надо.

– Никто не пытался их травить? – слегка придя в себя, спросила Светлана Холина.

– Их отравишь, – ухмыльнулся Макс. – Эти твари приспособились изоляцией со старых кабелей питаться. Жрут материю, пропитанную битумом, и недохнут. Я с рижскими диггерами встречался, так у них в Латвии еще при Советском Союзе хотели крыс дымовыми шашками потравить. Ходили бригады коммунальчиков по улицам в старом городе и в люки забрасывали дымовые шашки с дустом. А в Риге подземелья почище московских, там вообще черт ногу сломит. Так крысы из-под земли через все дырки в город поперли, прямо

на улицы. В три слоя шли, друг на дружку залезали. Даже машины проехать не могли. Люди на деревья карабкались. Крыс трогать нельзя. У них с людьми баланс установился. Все, дальше я не ходил.

Макс остановился. Посветил фонарем на стальную сварную плиту, выступавшую из стены.

– Что это такое? – Журналистка пощупала ржавую створку.

– Похоже на шлюз, – сказал Макс. – Только странно тут как-то. Ходил кто-то до нас. Конечно, под землей следы долго сохраняются. Тут дождей нет. Снег не падает. Но не было следов в прошлый раз. Это я гарантирую.

Светлана посветила фонариком.

– Сергей, снимай следы.

Оператор стал снимать.

– Там, впереди, их еще целая уйма, догоняйте, скоро на месте будем, – позвал Макс и зашагал с диггерами дальше.

– Вот мы видим свежие следы, – говорила в микрофон Светлана. – Макс утверждает, что их здесь раньше не было. Тот факт, что тут недавно некто побывал, ничего не объясняет, но заставляет насторожиться...

И тут стены завибрировали, с потолка посыпались камешки. Журналистка инстинктивно втянула голову в плечи. Оператор прикрыл камеру рукой сверху, хоть и продолжал снимать. Огромная стальная плита стала выдвигаться из стены, сдирая нижним краем слой подсохшего ила, обнажая

рельсу, по которой и двигалась. Проход стал закрываться.

Светлана крикнула:

– Назад!

Макс и его приятели бежали, надеясь успеть вернуться. Но было уже поздно. Плита с хрустом вошла в паз. Теперь весь подземный проход был наглухо перегорожен. С другой стороны в плиту колотили Макс с друзьями.

– Что происходит?! – крикнула Светлана.

– Черт его знает, – долетел до нее крик Макса.

Затем что-то зашумело, загудело.

– Вода, вода прибывает! – заорал Макс.

Из-под плиты, прямо под ноги Светлане и оператору, потекла мутная вода. В глубине тоннеля запищали разбегающиеся крысы. Судя по тому, что с боковой стороны плиты вода выбивалась фонтанами уже на уровне груди Светланы, она прибывала очень быстро – стремительно.

Плита, перегородившая подземелье, потрескивала, прогибалась, от нее откалывались куски ржавчины.

– Сейчас ее сорвет, – проговорил оператор, пятясь.

– Ребята, что у вас?! – крикнула Светлана.

Ее слова потонули в шуме воды.

– Уходим. – Сергей потащил упирающуюся Светлану назад.

– Мы их бросим?

– А что мы можем сделать?

Эти слова привели журналистку в чувство. Она нутром

чуяла приближающуюся смерть. Если плиту сорвет, то поток воды обрушится со страшной силой.

– Мы за помощью! – выкрикнула она, чтобы успокоить Макса и его приятелей, и побежала прочь.

Воды в тоннеле уже натекло до колена. Пару раз Светлана падала. Вокруг в темноте пищали спасающиеся от потопа крысы. Оператор больно ударился плечом о выступающую из бетонной стены скобу, поднял камеру, осветил вверх. Скобы уходили в колодец. Свет уперся в чугунный люк.

– Светка, сюда! Тут лестница!

Журналистка рванулась назад. Сергей подсадил ее. Девушка карабкалась по ржавым скобам к спасительному люку. По тоннелям разносился звук – скрежет металла и хруст бетона.

Свою ошибку телевизионщики поняли, когда Светлана головой уткнулась в чугунный люк, у нее не было сил сдвинуть его с места.

– Дай, я попробую.

Находясь на высоте, обдирая руки, рискуя сорваться, Сергей и Светлана поменялись местами. Оператор передал камеру журналистке и плечами уперся в люк. Стала гнуться источенная ржавчиной стальная скоба, на которой он стоял.

– Свалишься, – прошептала Светлана.

И все же люк поддался, поднялся. Сергей сдвинул его и выбрался наружу. Тут же лег на землю, отложил камеру и вытащил журналистку.

Они мокрые сидели на асфальте посреди проезжей части улочки. Мирно горели фонари. Редкие прохожие с удивлением смотрели на них. Скрипнули тормоза. Остановившийся водитель пялился на странную парочку. И тут внизу загудело, плеснуло. Оператор среагировал мгновенно и профессионально. Он схватил камеру и направил объектив в колодец. Там в свете включенного «бебика» переливалась, пенилась вода. Когда она немного спала, успокоилась, то на поверхность вынесло тело Макса. Оно покачивалось лицом вниз. Узнать его было несложно по конскому хвосту длинных волос на затылке.

– Боже, – прошептала Светлана, спиной вперед отодвигаясь от люка. – Ты снимай, а я полицию и спасателей вызову.

Летний ветер несся над полем, перерезанным ровной лентой узкого шоссе. Асфальт был старый, кое-где подлатанный, но местами зияли выбоины. Новенький микроавтобус ехал неторопливо. Водитель берег подвеску. В салоне были сняты задние ряды сидений. На оставшихся двух расположились Князев с Выгодиным. Униформа охранной фирмы на Петре топорщилась, еще не успела обноситься, бывший лейтенант то и дело запуская пальцы под воротник и оттягивал его.

– Черт, словно картонная, кожу скребет, – пожаловался он.

– Привыкнешь. Еще пару стирок – и замечать ее перестанешь, – подбодрил Богдан.

С водителем микроавтобуса Артемом успели неплохо познакомиться. Парень ездил забирать оборудование не впервые. Дорога, отходящая от трассы, упиралась в широкие металлические ворота. На них виднелись красные звезды, оставшиеся еще с советских времен. Над звездами чернели двуглавые орлы. Здание КПП отдельного инженерного полка было аккуратно побелено.

Прибытия микроавтобуса уже ждали. Стоило автомобилю остановиться, как из застекленной двери КПП вышел молодой офицер в камуфляже, вяло козырнул, невнятно пред-

ставился:

– Майор...

Князев не расслышал фамилию, но она ему в общем-то была и не важна. То ли Пахов, то ли Паков. Какая разница? Майору предстояло лишь сопроводить транспорт до бокса, где их уже поджидал груз.

– Бандитская пуля? – покосился на забинтованную голову Богдана майор.

– Почти.

Микроавтобус катил по территории военной части. В душе Князев ощутил что-то вроде радости, смешанной с волнением. Они проехали мимо взвода солдат, идущих строем в столовую. За деревьями виднелись казармы. Вроде бы и не так давно покинул бывший прапорщик ВДВ вооруженные силы, но теперь ему казалось, будто служба была в другой жизни.

– Сюда, – указал пухлой рукой майор.

Свернули к парку инженерной техники. Возле боксов стояли старые полуразобранные траншеекопатель на базе артиллерийского тягача и инженерная машина разграждения на танковом шасси. Возле них неторопливо работали солдаты в замасленных комбинезонах – ремонтировали, промывали детали в ведрах с соляжкой.

– Вот так и живем, – проговорил майор, указывая на закрытые ворота крайнего бокса. – Поставь где-нибудь рядом транспорт.

Микроавтобус загнали под самый железобетонный забор. Майор достал мобильник, бросил в него:

– Капитан, дуй в парк. По твою душу приехали.

Вскоре появился и капитан. Завидев Выгодина, он тут же широко улыбнулся и радостно пожал ему руку.

– Какими ветрами, Петька, тебя сюда занесло?

– И я не ожидал тебя тут увидеть, – отозвался Петр.

Оказалось, что капитан и Выгодин в прошлом были довольно близки, но потом их развела судьба.

– Надо как-то встретиться без спешки, посидеть, поговорить, – предложил Петр.

– Сделаем, телефон я тебе сейчас сброшу, созвонимся.

Капитан и Выгодин защелкали клавишами на мобильных, вводя друг другу свои номера. Распечатали ворота. Внутри у самой стены стояли один на другом три прочных дощатых ящика, выкрашенные краской защитного цвета. Довольно большие, только вдвоем и утащить.

– Что там такое? – поинтересовался Князев.

– Не знаю. Оборудование какое-то, еще советское, его с консервации прямо в утиль. Ни дня не работало. Тут у нас раньше испытательный полигон военного завода был, чего только от них не осталось. Хорошо, что теперь распродать позволили. Не бойтесь, не радиоактивные, проверял.

Ящики оказались больше громоздкими, чем тяжелыми. Проверили пломбы, подписали накладные. Загрузили ящики в салон. Князев ждал, пока Выгодин договорит с капи-

таном. Майор сопровождать микроавтобус не стал, просто связался с КПП и распорядился, чтобы машину выпустили из части.

Вскоре микроавтобус уже вновь мчался по трассе. Дорога предстояла неблизкая. Водитель потянулся к панели настройки приемника, стал менять станции, ни на одной долго не задерживаясь.

– Чем тебе старые песни не нравятся? – спросил Петр, когда Артем ушел с волны, где крутили шлягеры восьмидесятых.

– Я вообще стараюсь музыку в дороге не слушать. Убаюкивает. Глаза сами слипаются. Вот когда разговор передают, то я слушаю. Думать начинаю. Сон и проходит.

Еще пару щелчков кнопкой – и в динамиках зазвучал низкий голос уверенного в себе человека.

– ...московские подземелья – это неисчерпаемая тема. Я занимаюсь ею практически всю свою жизнь, но не могу сказать, что постиг и десятую долю их тайн...

Князев непроизвольно стал вслушиваться. В динамиках раздался и бодрый голос журналиста:

– Именно поэтому мы и пригласили вас в студию. У нас открыта телефонная линия, слушатели могут задать интересные их вопросы. Напоминаем, что у микрофона доктор исторических наук...

Богдана и его спутников тема заинтересовала, ведь до этого Князев рассказывал им об обрушении клиники, а новость

о погибших дигтерах крутили в вечернем телеэфире на всех каналах.

Доктор исторических наук, по-видимому, сел на своего конька. Он принялся рассказывать об истории московских подземелий начиная со времен Ивана Грозного, когда в Москве началось массовое строительство из камня. Он плавно переходил от одного столетия к другому, пока не добрался до новейшей истории.

– Очень много секретных подземных сооружений возводили во времена Сталина. Подземные ходы пронзают все пространство под столицей. Просто удивительно, что ими еще не пользуются террористы. Такими ходами можно незаметно пробраться в любой квартал центра города, где расположены правительственные здания и госучреждения. Пока спасает только то, что террористы не ориентируются в катакомбах, но это вопрос времени. А еще есть подземные реки, заключенные в коллекторы, которые давно не ремонтировались. Существуют карстовые пустоты. Старые водоотводы и канализационные коллекторы дают течь. Происходит подмывание фундаментов, где и когда в следующий раз образуется провал, предсказать практически невозможно. Центр Москвы можно сравнить с минным полем. Никто не застрахован от того, что окажется в центре очередной катастрофы.

Радиопередача длилась около часа. Все это время Князев, Выгодин и водитель внимательно слушали. Следом пошел выпуск новостей. Радио выключили и стали обмениваться

соображениями.

– Теперь заоблачные цены на жилье в центре резко пойдут вниз, – заключил Петр.

– Кто-то и на этом наживется, – сказал Князев. – Аварийные дома станут сносить. Освободятся участки под застройку. Ведь клинику, как я знаю, реставрировать не собираются. Князев осекся. Выгодин смотрел на него.

– Кажется, я знаю, о чем ты подумал.

– Если бы не было обрушения, его следовало бы устроить, – произнес Богдан.

– И я того же мнения.

– Ну, ребята, вы даете, – отозвался водитель. – Я понимаю, что у нас, русских, привычка повсюду видеть «теорию заговора». Но ваши предположения – это уже слишком.

– Я не утверждаю, – проговорил Князев. – Но и такой шанс исключать нельзя. Как говорил Шерлок Холмс, ищите, кому это выгодно.

– Тоже мне, сыщик, – засмеялся водитель. – Холмс литературный персонаж.

– Но мысль-то правильная.

Спорили до самой Москвы. В итоге сошлись во мнении, что строить предположения легко, особенно если нет достоверной информации. В конце концов, есть специалисты, им и разбираться.

Возможно, спор пошел бы и по второму витку, но микроавтобус подъехал к воротам бывшего проектного института,

на базе которого располагался офис и склады ЗАО «Геотехнологии».

Охранники сдали груз – опечатанные ящики.

– Может, по пиву после работы, когда вернемся? – предложил Выгодин.

Князев подумал и отказался. Не то чтобы ему самому не хотелось выпить, но решил не провоцировать приятеля.

...Весь следующий месяц Богдан вводил в курс дела Выгодина. Тот старался. Валерий Павлович Карачун остался доволен новым работником. Если Богдану сперва казалось, что тема обрушения здания клиники, поднятая в прессе, быстро сойдет на нет, то он ошибся. Люди, конечно, предпочитают забывать о жертвах, не думать о плохом. Так уж устроена человеческая психика. Однако забыть москвичам об угрозе не давала сама жизнь. Каждая следующая неделя регулярно приносила новость, связанную с подземной Москвой. Разрушения были не такими масштабными, как в случае со зданием госпиталя, но теперь на них люди уже смотрели словно через увеличительное стекло. На Гоголевском бульваре провалилась проезжая часть. В воронку сползли три автомобиля с пассажирами. Теперь блогеры стали обращать внимание и выкладывали снимки трещин в стенах старых домов. Тут же выкладывались советы, как правильно устанавливать гипсовые маячки, чтобы зафиксировать расхождение трещины. Подобные фотографии размножились в Интернете, словно компьютерные вирусы. Трещины расходились. Затем в Ки-

тай-городе просел еще один памятник архитектуры – на этот раз промышленной. Раскололся, но выстоял небольшой заводик по окраске мануфактуры середины девятнадцатого века.

Панические настроения дружно поддержали и печатные издания, и телевидение. Все редакции, телеканалы спешили делиться новостями, не всегда проверяя их, действуя по принципу «главное – не достоверность, а рейтинг». Цены на недвижимость в центре Москвы пошли вниз. Теперь некоторые жители старых домов сами просили городские власти признать их дом аварийным, чтобы получить другое жилье.

Князев в отличие от Выгодина специально не следил за этими новостями. Петр же на них подсел. Все свободное время, как говорил сам, проводил в Интернете. Богдану это хоть и не нравилось, но для себя он решил, что Выгодин просто решил вытеснить одну – алкогольную – зависимость другой – компьютерной. И это неплохо. Потом с зависимостью от Интернета справиться будет легче.

Валерий Павлович Карачун сдержал свое слово, пусть даже Богдан и не напоминал ему. Владелец охранной фирмы вызвал его к себе. Заставил написать заявление на отпуск и вручил документы на туристический тур в Барселону.

– Все, парня ты ввел в курс дела, работать он сможет и без тебя. А ты через пару дней будешь у теплого моря, – сказал он.

Князеву почему-то не верилось, что он скоро окажется в

Испании. Ну не было такого чувства, хотя билеты на самолет в оба конца лежали перед ним. И вот за день до отлета ему позвонил Выгодин.

– Привет! Что, пропажу заметил?

– Какую пропажу?

– Да ключик в кармане ветровки, которую ты мне в последнюю встречу дал. Когда я под дождь попал по пути на работу.

– А, вспомнил. Да, это от дачи, я потом уже вспомнил, но у меня запасной есть. Так что не парься, отдашь как сможешь. Я тебе по другому делу звоню. Как оказалось, я не зря тратил время. Многое удалось узнать.

– О чем это?

– Есть связь между... – сказал Петр и осекся.

– Связь между чем? – спросил Князев.

Выгодин вздохнул.

– Если я прав, а это почти наверняка, то говорить по телефону не стоит. Давай встретимся.

– Где и когда?..

У восемнадцатилетней Маши Глобиной голова шла кругом от того, что случилось в последние дни. Неделю тому назад она еще еле-еле сводила концы с концами, подрабатывая официанткой в кафешке на Московской кольцевой дороге. Ей удалось вырваться в Москву из захудалого городка в Нечерноземье, а это нелегко для девушки из неполной семьи, поступить в художественное училище и окончить его, и она на лето осталась в столице, чтобы подготовиться к поступлению в художественную академию.

И тут внезапно ее мать, особенно о ней не беспокоившаяся, появилась в Москве. Раньше же могла и месяцами не звонить, не интересоваться личной жизнью дочери – с кем она, как? И не просто мамаша появилась! Оказалось, что у нее теперь трехкомнатная квартира в столице. Правда, в районе Кольцевой, но в новостройке. При всем при этом мамаша оставалась недовольной.

– Мог бы и получше чего мне купить, – заявила она дочери.

Выяснилось, что отыскался отец Маши – Григорий Иванович Диваков, в настоящее время преуспевающий бизнесмен в области строительства. Можно даже сказать, олигарх. Отыскался он не по своей воле. Постарались журналисты. Окольными путями они докопались в социальных сетях до

информации, что в студенческие годы, когда он сам «был никем и звали его никак», у Гриши Дивакова случился короткий роман с Ларисой Глобиной. От которого впоследствии и родилась Маша. В «желтой» газете появилась хлестко написанная статья – вот, мол, какое мурло на самом деле у олигарха Дивакова. У него внебрачная дочь, о которой он никогда не заботился.

Вроде бы и приятно обнаружить, что у тебя есть взрослая дочь. Но если к этому прибавить, что ты ею все эти годы не занимался, не вспоминал о ней, не давал на ее воспитание денег, а сам теперь ворочаешь сотнями миллионов, то репутация твоя как бизнесмена может пошатнуться. Диваков вовремя сориентировался. Из скандальной истории следовало сделать слезливую мелодраму в стиле телевизионных сериалов – народ такое любит и, самое странное, верит в подобное.

Он приехал к своей бывшей зазнобе Ларисе и предложил ей элементарно откупиться. Григорий приобретает ей квартиру в Москве, дает кое-какие деньги, а она в обмен на это расскажет журналистам историю, похожую на правду. Мол, она сама во всем виновата, не сказала ему, что беременна. Думала, что толку из Григория не получится. А вот потом, спустя долгие годы, узнала его, увидев по телевизору. Поняла, что обездолила дочку, отыскала Дивакова и во всем ему призналась. Сюжет с мамашей журналисты, купленные бизнесменом, уже сняли и выпустили в эфир, написали статью, которую планировалось издать в гламурном журнале. И те-

перь увидеться с отцом предстояло самой Маше. А чтобы сюжет получился по-настоящему гламурным, девушка должна была приехать к отцу, чтобы встретиться с ним на его яхте в Средиземном море. Так Дивакову посоветовали имиджмейкеры.

И вот теперь Маша стояла, держась двумя руками за ветровое стекло катера. Плавсредство стремительно мчалось, подпрыгивая на волнах. Соленый ветер бил в лицо, трепал распушенные волосы. За штурвалом стоял вышколенный матрос в белоснежной униформе. За спиной у Маши работал телеоператор. Снимал трогательную историю встречи дочки с отцом, которого она никогда прежде не видела.

Глобина щурилась от яркого солнца, вспоминая наставления мамы. Та перед отъездом учила, что требовать нужно максимально много. Всего не даст, но что-то «лишнее» обломиться может.

– Больше он тебе ничего солидного никогда не предложит. Так, копейками откупаться станет.

Маша понимала, что мать, скорее всего, права. Честно говоря, ей не слишком хотелось видеться с отцом. Поскольку вспоминались и другие слова матери, которые она говорила в сердцах дочери, когда они поругались. Было это еще до появления Дивакова в новом качестве.

«Представляешь, я, дура, все думала, что он на мне женится. Потому и тянула с абортom. А когда поняла, что перетянула, то пришла к нему денег на аборт просить. Он мне их

не дал. Дал бы – и тебя б не было. И нужно-то было немного».

Воспоминание было не из лучших. Маше живо представлялось, что на свет она появилась случайно, без особого желания родителей.

Чайки носились над водой, пикировали в пенный след катера, спеша подхватить клювами оглушенную рыбу.

– Маша, повернитесь, пожалуйста, в профиль, – просил оператор. – И волосы придержите, чтобы на глаза не падали. Вот так. Только подбородок чуть поднимите и мечтательно улыбнитесь. Вдаль глядите. Отлично получилось. Вы не на актрису учитесь? Стоит попробовать.

Катер мчался к большой серой моторной яхте, которую Маша, прежде чем увидеть, представляла себе совсем по-другому. Ей казалось, что яхта должна быть непременно деревянная, под парусами. Пусть и не алыми, а белыми. Но теперь они приближались к мрачной серо-стальной громаде. Зеркальные стекла надстройки, вращающаяся антенна радара. Судно скорей напоминало современный военный корабль в миниатюре, чем яхту.

Катер сбросил скорость, подошел к борту яхты, сверху спустили шторм-трап.

– Я взойду первым, – предупредил оператор, взбежал на борт и, заняв позицию, стал снимать.

Маша поднималась медленно, глядела не вперед, а под ноги, боясь оступиться. Пышное белое платье трепетало на ветру. Вот наконец ее нога ступила на палубу. Девушка подняла

взгляд. Перед ней, раскрыв объятия, стоял холеный мужчина с цепкими глазками. Казалось, что вместо зрачков у него два острия тонких гвоздиков.

– Доченька, – с широкой неискренней улыбкой произнес он. – Подойди, я обниму тебя.

Оператор, снимая, стал приближаться. Маша нетвердо ступила вперед, Григорий Иванович обнял ее, погладил по волосам.

– Доченька, – еще раз проговорил он, изображая тронутого встречей отца. – Если б я только знал о тебе. Но мама не сказала о тебе ни слова.

Маша не почувствовала никаких чувств. Скорее, испытала даже легкое отвращение. Ей вспомнилось, что точно так же пытался притянуть ее к себе выпивший посетитель кафе. И тон у него был такой же приторный, ненатуральный. Вроде не хотел и обидеть, но лез туда, куда его не просят, – в душу.

Маша напряглась. Григорий Иванович почувствовал это и наконец-то отстранился.

– Дай-ка посмотреть, какая ты у меня. – Он отступил и всплеснул руками. – Какая большая! Дорого бы я дал за то, чтобы можно было все вернуть назад. Я бы тебя в парке за ручку водил. Мороженое бы покупал. – Диваков так вошел в роль обретшего дочь отца, что даже достал носовой платок и промокнул сухие глаза.

– Поворачивайтесь, Маша, поворачивайтесь, – прошептал оператор.

Девушке не хотелось, как дрессированной собачке, исполнять команду. Но и новообретенный отец показывал ей – махал ладонью. Пришлось поворачиваться, словно она была школьницей и демонстрировала на новогоднем карнавале костюм принцессы.

– Хороша, хороша. Пости меня, доченька.

– Извините, Георгий Иванович, – вклинился оператор. – Вы сказали «пости», а надо «прости». Давайте переснимем этот момент.

Пересняли. На этот раз Диваков произнес «прости» под черкнуто.

– Я понимаю, что виноват перед тобой. Держи, – Диваков протянул ей, предварительно продемонстрировав на камеру, кредитную карточку и связку ключей. – Вот тебе ключи от квартиры в Москве и ключи от машины. Ну и деньги на расходы. Этим, конечно, не отменишь того, что случилось, – Диваков изобразил вздох. – Но теперь мы будем вместе. Мы знаем друг о друге.

Маша взяла подарок, отказываться в ее положении было глупо. Но тут же всплыло в памяти предостережение матери. Папаша оказался предприимчивее своей дочери. Он не дал ей возможности попросить хоть что-то. Дал ровно столько, сколько посчитал нужным.

«Ну и черт с ним, – подумала Маша. – Наверное, и квартира маленькая, на окраине и машина дешевая».

Вновь встрял оператор:

– Я не хотел бы мешать вашей встрече. А потому давайте я сразу досниму несколько моментов, а потом улечусь, чтобы вы могли спокойно поговорить.

– Хорошо. К сожалению, доченька, на экране не все так, как в жизни.

– Станьте у борта и возьмитесь за руки. Просто смотрите вдаль, – продолжал распоряжаться оператор. – А теперь, Георгий Иванович, положите руку на плечо дочери... Пройдитесь вместе... Подайте ей руку, чтобы она могла спуститься на трап... Отлично. Все снято, – доложил он, опуская камеру.

Широкая улыбка сползла с лица Дивакова.

– Только не забудь мне показать смонтированный ролик, – напомнил он оператору.

– Непременно. Я работаю профессионально – заказчик всегда прав.

– Надеюсь, я не зря тебе деньги плачу.

– Все будет в лучшем виде. Я еще немного компьютерной графики добавлю. Ну там солнечные блики на волнах, блеск в глазах на «крупняках». – Оператор почувствовал, что им уже тяготятся. – До встречи, до свидания, – откланялся он и сбежал по трапу в катер.

Вскоре плавсредство уже чертило на море дугу белопенного следа. Диваков проводил его взглядом. Маша чувствовала в душе странную пустоту. Вроде бы стоило радоваться. Нашелся отец, сделал очень дорогой подарок, о котором она

не могла и мечтать – собственную квартиру в столице. Да и денег подкинул. Правда, сколько не сказал, но это можно будет проверить в любом банкомате.

Однако пустота из души не уходила. Рядом с ней стоял абсолютно чужой ей человек.

– Пошли, дочка, – сказал Диваков, указывая на раздвижную дверь зеркального стекла.

Яхта казалась безлюдной, хотя было понятно, что на ней находится команда. Маша оказалась в просторной кают-компании. Три стены стеклянные, одна глухая, облицованная какой-то дорогой древесиной.

– Мореный дуб, – пояснил хозяин яхты.

– Понятно, – сказала девушка.

Посередине стояли два огромных дивана-бегемота, обтянутые шкурами зебры. На глухой стене была распята шкура белого медведя. Довольно экзотичная для здешних широт, но, наверное, она должна была напоминать о российском происхождении яхты.

– Садись, дочка, – Диваков указал на диван.

– Спасибо.

Маша присела на самый краешек. Сам Георгий Иванович подошел к бару, открыл дверцу, внутри загорелся мягкий желтый цвет.

– Ты что будешь пить? – спросил он так, словно бы бар был безразмерным, и в нем могло найтись все, что угодно.

– Я не пью. – Маша и сама бы не объяснила, почему со-

врала, она себе иногда позволяла немного выпить.

– Странно, – пожал плечами Диваков. – Мать твоя выпить любила, и немало, – как о покойнице, в прошедшем времени, сказал о Людмиле Георгий Иванович. – А я вискаря глотну. Разволновался. Честно, разволновался.

Диваков вернулся к мраморному столику между диванами с бутылкой виски и бутылкой минеральной воды, двумя стаканами. Плеснул себе спиртного, затем налил дочери воды.

– Ну за знакомство, Маша.

– За знакомство.

Девушка почувствовала, что не в состоянии сказать отцу «ты».

– Как у тебя дела? Поступить собралась?

– Собралась. Мама просила привет передать, – вспомнила Маша.

– Спасибо.

Пока удавалось обходиться фразами, где не надо было употреблять обращение «ты» или «вы». Диваков прочувствовал и этот момент.

– Говори мне «ты», «папа», ну, в крайнем случае, «отец».

– Хорошо, отец.

– Ты же сама слышишь, как неправильно это звучит. Скажи мне «папа».

– Хорошо, папа.

– Вот теперь в самом деле хорошо, – рассмеялся Григорий

Иванович.

И тут у него в кармане рубашки зачирикал телефон. Он вытащил мобильник, взглянул на экран.

– Извини, по делу звонят, – сказал он. – Бизнес – такая вещь, что не я деньгами кручу, а они мной, – усмехнулся он.

– Мне выйти? – спросила девушка.

– И не думай. У меня от тебя секретов быть не должно, – Диваков щелкнул ногтем по экрану, ответил: – Слушаю... Да, да, реанимируйте наш архитектурный проект, раз уж участок освобождается... «Геотехнологии» правильное заключение дали... Ну и с Минкультом согласуйте, только срочно... Прессу подключите, чтобы потом меньше проблем было... Да, даю добро. Держите меня в курсе.

Диваков отключил телефон, положил его на стол, посмотрел на дочь, та отвела взгляд.

– Я не могу привыкнуть, – сказала она.

– А ты привыкай. Я тебе не чужой человек. Конечно у меня сейчас другая семья.

– Я как-то упустила. У тебя... в смысле у меня есть братья или сестры?

– Есть брат, как-нибудь познакомлю. Он сейчас в Штатах пропадает. – Диваков взял мобильник, вывел на экран фотографию.

Маша глянула – типичный мажор.

– Ничего такой. На тебя похож, – сказала она чистую правду.

– Ты тоже на меня похожа, – улыбнулся Диваков. – Как только твою фотографию увидел, сразу понял, что ты моя дочь. Даже экспертизу не заказывал. – Он разжал кулак, положил на стол раскрытую ладонь. – И ты свою рядом положи, – попросил он, затем принялся сравнивать линии, оказалось, что они тоже похожи.

– Я тебя не таким представляла, – произнесла девушка.

– Понимаю, тебя с самого детства мать против меня настраивала. Ожидала увидеть монстра. А я не такой.

Вновь зачирикал мобильник. Диваков глянул на дисплей, отвечать не стал.

– Жена звонит, – пояснил он. – Я тебя с ней тоже как-нибудь познакомлю. Молодец, что приехала.

– Спасибо за подарки, – неуверенно произнесла Маша.

– Ерунда, – махнул рукой Диваков. – Ты моя дочь, и этим все сказано. Твоя квартира пока без отделки. Ты же сама дизайнер, вот я и решил, чтобы ты на свой вкус все там сделала. Так что пока можешь пожить на моей вилле под Марселем. А мне завтра в Москву возвращаться надо – дела.

– Мне тоже в Москву надо, к поступлению готовиться. Вместе и поедем. Можно?

Диваков задумался.

– Это хорошо, что такая настырная, время не хочешь терять, учиться собираешься. Твой брат не такой, к сожалению. Что ж, дочка, вернемся вместе. Вместе и проживем у меня дома, пока ты свою квартиру в порядок приведешь.

– Я не готова.

– А я готов. Дочь ты мне или не дочь? Вот и не спорь с отцом.

Чувствовалось, что Диваков говорит искренне. Если раньше он хотел просто откупиться от Маши, то теперь почувствовал в ней жилку, умение цепляться в этой жизни – то, чего начисто был лишен его единственный сын. В конце концов, бизнес, деньги имеют смысл, если есть их кому передать. Не оставить, а именно передать. Григорию Ивановичу показалось, что Маша в будущем вполне может претендовать на часть его строительной империи. Правда, он не стал этого озвучивать, решил получше присмотреться к дочери.

– Значит, решено, завтра мы с тобой в Москве.

6

Богдан бросил поверх одежды плавки с еще не отрезанной этикеткой, закрыл крышку небольшого чемодана и защелкнул замочки. Чемодан был не новый, с ним Князеву довелось поехать по гарнизонам. Билеты и документы лежали на столике возле дивана. Завтра ему с утра предстояло вылететь charterом в Барселону. Раньше Богдан никогда не выезжал на Запад, а потому слегка волновался, даже выучил несколько фраз по-испански, чтобы иметь возможность поблагодарить, попросить прощения, поприветствовать. Он по опыту знал, что ничего так не дорого сердцу человека другой национальности, как несколько слов от представителя иного народа, произнесенные на его родном языке.

Из всех дел, которые он не успел завершить до отъезда, оставалась встреча с Выгодиным. Напрягала та таинственность, с которой говорил по телефону Петр. Договорились встретиться неподалеку от дома Богдана в кафе возле железной дороги. Здание было уникальным для сегодняшней Москвы – старая, советских времен еще «стекляшка». Впору объявлять памятником истории.

До кафешки проще было дойти пешком, чем ехать на машине. Потому Князев и не стал заводить свои потрепанные «Жигули». Он миновал запущенный парк и вышел к остановке электрички. Жилых домов здесь не было, они выси-

лись только за железнодорожным полотном. Вдоль улицы тянулись унылые промышленные заборы, густо расписанные из баллончиков, пара разбитых проездов вела к гаражным массивам. Под указателями пестрела реклама всяческих шиномонтажей, магазинчиков по торговле автозапчастями.

Князев толкнул стеклянную дверь, мелодично блямкнул подвешенный к ним колокольчик. Внутри кафе выглядело уютно. Пластиковые столики, застланные дешевыми скатертями. Здесь не принято сидеть подолгу. За стойкой улыбчивый уроженец Средней Азии накладывал еду, наливал напитки и спиртное, а уж посетители сами несли тарелки к столикам.

Князев почувствовал, что голоден, а потому заказал себе жареный картофель с сосисками и кофе.

– Пожалуйста, – азиат выставил на поднос тарелку со стаканчиком. – И сто грамм?

– Нет, – пожал плечами Князев.

– Все сперва так говорят, а потом все равно берут, – заулыбался мужчина с раскосыми глазами.

– Вряд ли поддамся искушению, – заулыбался и Богдан.

Он устроился на высоком табурете за стойкой, рядом пристроил пакет с ветровкой Выгодина. Ключ от дачи лежал в кармане штанов – на брелоке вместе с его собственными ключами, – так надежнее. Через окно стоянка видна как на ладони. Петр обещал приехать на машине – так он тренировал свою волю, чтобы больше не пить. Выпьешь – за руль не

сядешь. Автомобилей было немного. Жители района здесь их старались не оставлять на ночь. Место глухое. Утром как минимум можно не досчитаться аккумулятора.

По улице прогрохотал мотоцикл, свернул на стоянку. Мотоциклист даже не стал выбираться из седла. Он так и сидел в шлеме с опущенным забралом и изредка покручивал рукоять газа. Это слегка раздражало.

«Ну какого черта его принесло? – подумал Князев. – Ты или поезжай, или двигатель заглуши».

Мотоциклист продолжал неподвижно сидеть, в тонированном забрале шлема отражались изредка проезжавшие мимо автомобили. Князев глянул на часы. До назначенного Выгодиным времени оставалась пара минут. Петр в последнее время стал очень пунктуальным. Его машина показалась из-за поворота в тот момент, когда большая стрелка приблизилась к цифре двенадцать.

«Исправился окончательно и, будем надеяться, бесповоротно, – улыбнулся Князев, отпивая глоток кофе. – А завтра в это же время я уже буду на пляже», – добавил он.

В мыслях возникло райское видение. Голубое море с треугольниками парусов, пальмы, жаркое солнце, празднующая, веселая публика. Картинки были реальными – отель и пейзажи Князев загодя просмотрел в Интернете, наконец-то подключившись к нему. Машина заехала на стоянку. Выгодин выбрался из-за руля, нагнулся, чтобы взять то ли сумку, то ли портфель. В этот момент мотоциклист от-

толкнулся ногой и покатил к выезду. Он поравнялся с Петром, когда тот уже выпрямился и был готов захлопнуть дверцу.

– Берегись! – крикнул Богдан так громко, что азиат за стойкой даже выронил из рук тарелку, которую старательно протирали.

Немногочисленные посетители повернули головы в сторону Князева.

– Берегись! – еще раз крикнул он.

Но его крик так и не вырвался наружу через двойное стекло кафешки. Мотоциклист уже держал в руке пистолет. Ствол был направлен в сторону Выгодина. Два выстрела потонули в грохоте мотоциклетного мотора. Петр рухнул на асфальт с простреленной головой. Богдан уже выбежал из кафе и, забыв о страхе, бросился к распростертому на земле приятелю. Мотоциклист вновь вскинул пистолет и выстрелил в Князева. Пуля просвистела над самой головой. Взревел двигатель, мотоцикл понесся прочь от кафе.

Одного взгляда, брошенного на Выгодина, было достаточно, чтобы понять – ему уже ничем не поможешь. Голова была прострелена в двух местах. Грохот мотоциклетного двигателя удалялся. Князев подхватил с асфальта выпавший из рук убитого друга брелок, вскочил в машину, почувствовав, как что-то под ним хрустнуло. Он вставил ключ в замок зажигания и провернул его. Двигатель сразу завелся. Богдан вырулил на улицу прямо перед автобусом и помчался вслед мото-

циклисту. Автомобиль бросало на выбоинах, пару раз даже глушитель чиркнул по асфальту. Дорога была не из лучших. Но и мотоциклист не мог развить на ней предельную скорость, ему приходилось лавировать, объезжать незалатанные выбоины. Угодишь в одну из них – перевернешься. В этом смысле у Князева имелось преимущество – машина более устойчива, чем байк.

Разрыв сокращался. Мотоциклист рискнул – он выстрелил через плечо, но, естественно, промахнулся.

– Не уйдешь, – прошептал, сжав зубы Богдан.

Мотоцикл прибавил газу, увеличил скорость и Князев. Убийца явно сообразил, что на улице ему ничего не светит. Он свернул на узкий тротуар, здесь все-таки асфальт был ровнее. Редкие пешеходы прижимались к забору. Молодая мать выхватила из коляски ребенка, прижала к себе и спряталась за деревом. Брошенная коляска покатила сама собой. Мотоциклисту чудом удалось с ней разминуться. И хоть Князев понимал, что коляска пуста, он затормозил, объехал ее. Тем временем мотоциклист свернул в ворота мини-рынка, помчался вдоль рядов. Свернул и Богдан, снеся бампером не до конца открытые ворота. Благо на рынке был выходной день, потому людей почти не было, лишь пара дворников да строители, монтировавшие новые боксы. Впереди по проходу виднелась высокая стремянка, а на ней парень в комбинезоне и шуруповертом в руках устанавливал рекламный щит. Мотоциклист, пригнувшись, пролетел прямо между «нога-

ми» стремянки. Богдан отчаянно сигналил. Растерявшийся парень замер. Князев вдавил педаль тормоза, машина пошла юзом. Капот въехал в опущенную ролету соседнего бокса, на машину посыпались коробки с обувью. Парень, потерявший равновесие на пошатнувшейся высокой стремянке, прыгнул на крышу остановившейся машины. Жесть прогнулась.

– Ты с ума сошел! – трясущийся от страха парень заглянул в окно, но, встретившись взглядом с Князевым, отпрянул.

Богдан дал задний ход. Мотоциклист исчез за поворотом рядов. Когда завернул и Князев, то оказалось, что проезд заблокирован двумя пластиковыми контейнерами с мусором. Он даже не стал тормозить, снес их с ходу. Мотоциклист пронесся по пустовавшей стоянке и вновь вылетел на улицу. Князев решил рискнуть – он не повторил траекторию съезда, а поехал через газон. У него даже лязгнули зубы, когда машина соскочила с высокого бордюра на проезжую часть.

Вскоре убийца оказался совсем близко, еще немного – и передний бампер ударил бы ему в заднее колесо. И тут мотоциклист, заложив крутой вираж, ушел вправо, в узкий пешеходный проход между крытой стоянкой и гаражным кооперативом. Вклиниться туда на машине было невозможно. Богдан заехал на тротуар, резко затормозил, выскочил из-за руля. Мотоциклист явно слабо знал местность, иначе бы никогда не свернул сюда. Узкий проход показался ему идеальным путем для бегства, но кончался он стальной калиткой с высоким – в полметра порогом. Ее специально поста-

вили, чтобы отбить охоту у байкеров и велосипедистов срезать путь. Через такой порог мотоцикл легко не перекаатишь.

Князев бежал, задыхаясь, хватал воздух ртом, как рыба, выброшенная на берег. Легкие буквально разрывались на части. Грохот мотоциклетного двигателя внезапно стих. Теперь Князев слышал лишь свист ветра у себя в ушах.

«Уперся в тупик, гад», – решил Богдан.

Проход шел дугой – сразу и не поймешь, что происходит впереди. Князев, выбежав, увидел целившегося в него мотоциклиста. Байк стоял прислоненным к забору охраняемой стоянки, поверху шла плотная спираль колючей проволоки. За забором на мотоциклиста щерила пасть большая овчарка, но пока не бросалась, не лаяла. Грохнул выстрел. Благо Богдан успел упасть ничком, отполз немного назад. Овчарка громко залаяла, бросилась на сетку ограждения. Раздался еще один выстрел. Смертельно раненная собака жалобно заскулила и затихла. Мотоциклист сунул пистолет в карман куртки и, не снимая шлема, подпрыгнул, уцепился руками за свес бетонной плиты одного из гаражей.

Князев подхватился, побежал, надеясь поймать убийцу, когда тот будет карабкаться на крышу. Но мотоциклист оказался проворным и тренированным, ему удалось подтянуться и оказаться на крыше, прежде чем Богдан добежал до гаража. Над головой у Князева мелькнули рифленые подошвы высоких шнурованных ботинок. Мелькнули и исчезли. Богдан замешкался. Вполне могло оказаться, что когда он по-

пытается забраться на крышу, то убийца выстрелит в него. По поведению преступника Князев понимал, что нажать на спусковую скобу для того не проблема. Он и на секунду не задумается, убивать или не убивать. Богдан с трудом задержал свое хриплое дыхание, прислушался. Удаляющийся топот свидетельствовал – противник удирает.

Князев подпрыгнул, уцепился за шершавый край бетонной плиты, подтянулся и «вышел силой» наверх. Мотоциклист бежал по крышам гаражей, сжимая в руке пистолет. Богдан без страха погнался за ним, понимая, что на ходу тот прицельно не выстрелит. Солнце отражалось, крошилось в лакированном шлеме. Убийца добежал до края гаражных боксов, остановился, повернулся к Князеву и вскинул пистолет. Спрятаться было негде. Богдан упал и перекатился, уйдя от пули.

Воспользовавшись паузой, мотоциклист спрыгнул на землю. Спрыгнул и Князев, чуть не нарвавшись на очередную пулю. Он оказался перед раскрытыми воротами гаража, за которыми мужчина в защитной маске преспокойно продолжил резать швеллер газовым резаком. Баллон стоял на улице, от него в гараж тянулся шланг.

Богдан ощутил опасность раньше, чем понял ее разумом. Он запрыгнул в гараж, повалил сварщика на землю. Они вместе скатились в смотровую яму на кучу ветоши. Газовый баллон на улице взорвался. Ослепительное пламя прокатилось над смотровой ямой. Князев выждал несколько секунд

и выглянул. В этот момент развороченный лилией газовый баллон как раз вернулся из полета и гулко врезался в асфальт.

– Что это было? – трясущимися губами спросил сварщик, все еще сжимавший в руке погасший резак.

Князев ничего не ответил. Он выбежал из гаража. Мотоциклиста нигде видно не было.

– Куда он побежал?! – крикнул Богдан пенсионеру в светлой шляпе, который стоял соляным столбом у своей машины, держа в трясущейся руке щетку.

– Туда, – он указал направо.

К Богдану после испытания огнем пришло второе дыхание. Откуда только силы взялись. За поворотом он увидел мотоциклиста. Тот стоял на одном колене и, держа пистолет двумя руками, тщательно целился. Князев понял, что пропал. По обе стороны закрытые ворота гаражных боксов. Податься назад не успеешь. Площадка просматривается полностью. Богдан сделал шаг назад, резко пригнулся, присел. Раздался выстрел. Пуля врезалась в стену, отколов кусок кирпича прямо над головой у Князева. Он даже непроизвольно зажмурился на какую-то секунду, а когда открыл глаза, то увидел в руках убийцы пистолет со сдвинутой назад затворной рамкой, что свидетельствовало – патроны в обойме кончились. Мотоциклист сунул бесполезный уже пистолет в карман и побежал к воротам гаражного кооператива. Князев подхватил с земли обломок кирпича и ринулся за ним.

Мотоциклист поднырнул под шлагбаум. Его подхватила легковая машина. Водитель газанул так, что дым пошел из-под покрышек. Богдан бросил вслед кусок кирпича.

– Черт, номера грязью замазаны, – выдохнул он, сумев только различить последнюю цифру – семерку.

Князев еще попытался выскочить на улицу, остановить случайную машину, но водитель лишь притормозил, объехал его, крикнул, высунувшись из окна:

– Куда прешься, козел!

Машина, подхватившая убийцу, исчезла за поворотом. Богдану пришлось смириться с тем, что упустил мотоциклиста. Он выхватил мобильник и позвонил в полицию. Его взволнованный голос, хриплое дыхание заставили оператора обойтись без лишних формальностей. Лишь после того как он назвал марку машины, цвет и семерку в номере и при нем передали информацию ГИБДД, у Князева поинтересовались, кто, собственно звонит, попросили назвать фамилию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.